

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил

На сцене круглый столик с мраморной столешницей, два-три стула и, возможно, кушетка. За столиком сидит ГУРОВ, сидящий мужчина 39 лет, в соломенной шляпе набекрень, в руке трость. Он наслаждается ялтинским солнцем позднего лета. В отдалении бравурно играет военный оркестр. Некоторое время Гуров слушает музыку.

Гуров. Хороши! Седьмой гусарский полк. Балаклава. (Воображаемому официанту.) Можно еще чашечку кофе? (Вдохновенно дирижирует.) Так и хочется броситься в самое пекло, да? (Музыка постепенно стихает.) В разгар курортного сезона, смею вас уверить, нет лучше места на всем крымском побережье, чем Ялта. Фланёры на набережной. Ресторанная сутолока. Смешение языков. Чинные прогулки в парке. Днем непременно путешествие к водопаду в Ореанде. Вечером ритуальный выход на мол, где встречают пароход из Феодосии, весь в огнях, сулящих бог знает какие надежды. И это таинственное море, соединяющее всё и всех воедино, особенно ночью, когда вода сиреневого цвета, и по ней от луны идет золотая полоса. (Воображаемому официанту.) Благодарю. А сахар? Спасибо. (Откидывается на спинку стула, сдвигает шляпу на глаза.) Но сердце Ялты – это городская площадь. Здесь, в павильоне, отдыхающие сидят за чашкой кофе весь день напролет и украдкой, из-под зонтика или соломенной шляпы, внимательно изучают друг друга. Кому не знакомы эти «курортные забавы»! Игра, которой все отдаются с жадностью... даже в сонной одуре.

(Понизив голос.) Опять эта пара. Что-то их вчера было не видно. Интересно, они женаты? Ох, как мы стреляем глазами по сторонам! Неженаты. А это наш грек. Все еще покашливает. Взгляд рассеянный – чем-то огорчен. Супружеская чета. Муж скоро сыграет в ящик, а что станет с ней? Найдет ли она в себе силы жить дальше? Найдет. Видите этот холодный прищур? Она уже просчитывает варианты.

А это новенькие. Видимо, французы. А глазки-то у нас заплаканные. За все утро не перекинулись ни словом. Он – такой самодовольный хлыщ. Небрежно ножкой пристукивает. Мадам, не надо показывать, что вы его безнадежно любите.

Так и день пролетел. Пьешь кофе и разгадываешь чужие жизни... или придумываешь человеку воображаемую жизнь. Вполне безобидное, я бы сказал, занятие.

Мадам, это уже чересчур! Все-таки публичное место!

Курортный сезон заканчивается. Вот уже закрылись первые ставни. По пустынной улице вихрем носится удушливая пыль. И нас, сочинителей интересных биографий, осталась жалкая горстка.

Постепенно куда-то уходит это волнение в крови, и площадь... не то, чтобы вымирает, но от нее уже веет унынием. И ты понимаешь: всем этим грезам и выдуманным историям пришел конец, пора возвращаться мыслями в Москву, к работе, жене, детям. (Пауза.) Дому. А это требует некоторого... усилия.

Я прожил в Ялте почти две недели, послезавтра домой. Около трех часов пополудни на площади, кроме меня, сидели последние из могикан. Вдруг из гостиницы «Марино» вышла молодая женщина. Белая блузка. Серая юбка. Простая шляпка. В ногах у нее крутился белый шпиц. Она пересекла площадь быстрым шагом, с опущенной головой, словно рассчитывая таким образом сбить с толку праздных зевак.

Соломенные шляпы и зонтики дружно повернулись в ее сторону.

Входит АННА СЕРГЕЕВНА, двадцати двух лет, с воображаемой собачкой. Она садится за столик и подзывает официанта.

Анна. Кофе, пожалуйста. Без молока. (Собаке.) Сидеть. Сидеть!

Гуров. Так, это интересно. Двадцать? Двадцать два, не больше. Русская? Пожалуй. Замужем? Думаю, да. Отчего я так думаю? Инстинкт. И еще эта собачка. Муж остался в гостинице. А если дома? Очень может быть! Надо разведать.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Анна. Позавчера, по приезде, я послала мужу телеграмму: «ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ, БЛАГОПОЛУЧНО ДОБРАЛАСЬ. ГОСТИНИЦА „МАРИНО“ УЮТНАЯ. ПОГОДА НИ ТО, НИ СЁ. МНОГО ГУЛЯЮ. СКАЖИ СОНЕ, ЧТОБЫ ПОЧИСТИЛА НАВЕРХУ ВСЕ КОВРЫ С ШАМПУНЕМ».

Сегодня утром пришел ответ: «УЖЕ СКУЧАЮ. ТЕБЕ ПОЛЕЗНО РАЗВЛЕЧЬСЯ, ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЖЕНЩИНОЙ. НАСЛАЖДАЙСЯ. ПРИЕДУ, КАК ТОЛЬКО ПОЗВОЛЯТ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА. ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ДИТЯ МОЕ. НИКОЛАЙ».

В то лето ему было сорок. Я годилась ему в дочери. Сразу мысленно увидела его прямой, открытый взгляд, когда он писал телеграмму. «Дитя мое». Эти слова, по его мнению, должны были вселить в меня уверенность, а вышло наоборот. Хотя паническое желание бежать из Парголово, после того как я оказалась на юге, потеряло свою остроту, именно с этими словами – «дитя мое» – вернулось прежнее беспокойство, и мне пришлось убеждать себя, что Ялта снова возродит меня, даст моей душе покой, научит с благодарностью принимать мое нынешнее положение. По крайней мере, примирит с ним.

Гуров. Вы не слышали наших доблестных гусар. Их трубы звали нас на битву. (Пауза.) Симпатияга.

Анна. Спасибо.

Гуров. Представляю, как вы его избаловали.

Анна. Ее.

Гуров (собачке). Покорнейше прошу меня простить.

Анна. Николай, мой муж, подарил мне ее на день рождения.

Гуров. Очень мило. (В сторону.) Николай! Восемьдесятителетний старик вот с таким носом, к тому же насморочным. (Анне.) И как нас зовут?

Анна. Пока никак.

Гуров. У нее умные глаза. Все понимающие. Могу я дать ей бисквит?

Анна. Если хотите.

Гуров. Держи, девочка. (Отдергивает руку.) Эй, я ведь с лучшими намерениями.

Анна. Она нервничает.

Гуров (собачке). Меня ты можешь не бояться. (Пауза.) Первый раз в Ялте?

Анна. Да.

Гуров. Но не последний. Я приезжаю сюда каждый год. Отдыхаю и тружусь понемногу. (Пауза.) Я служу в одном московском банке. Со степенью по филологии! Получил ее ровно сто семьдесят лет назад. Перед вами не самый процветающий банковский служащий. Были в Ореанде?

Анна. Простите?

Гуров. Ореанда... серебряный водопад. Час езды, но он того стоит. Возьмем извозчика... (Неожиданно наклоняется к ее лицу и шепчет тоном заговорщика.) Не оглядывайтесь. Справа от вас сидит молодой человек в белых туфлях и розовом галстуке.

Анна. Да...

Гуров. Он что-то подсыпает в кофе.

Анна. Сахар?

Гуров. Героин.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru
Анна. Правда?!

Гуров. Не смотрите так.

Анна. Откуда вы...?

Гуров. Третьего дня его сняли со шпилья кафедрального собора. Аккурат перед вечерней службой. Говорят, его жена сбежала с кавалерийским офицером.

Анна. О господи!

Гуров. Потерял одну руку. Трагическая история. А вон там сидит совершенно воздушное создание... словно на ладан дышит...

Анна. Не вижу.

Гуров. Левее.

Анна. В черном платье?

Гуров. Ухаживает за слонами в московском зоопарке.

Анна. Вы говорите о седой женщине с...?

Гуров. А этот боров напротив – ее муж. (С подчеркнутым вниманием разглядывает свои ногти.) Он понял, что вы говорите о нем.

Анна. Но я ни слова не...

Гуров (громко). Днем обещали дождь. Осень, что вы хотите. (Снова понизив голос.) Полтора центнера потянет. Большой любитель бренди. А когда-то танцевал в Мариинке ведущие партии.

Анна. Так он балетный...?

Гуров. Все звали его не иначе, как Il Folletto. «Эльф». Он итальянец. А она немка. Поженились, как и я, еще студентами. Ни он, ни она учить чужой язык не пожелали, пишут друг другу записочки.

Анна. Всё вы выдумываете!

Гуров. На ломаном английском.

Анна. Хотите произвести...

Гуров. Вот она передает ему записку, видите?

Анна. Да...

Гуров. Читает. Качает головой. Он с ней никогда и ни в чем не соглашается. Отдает обратно.

Анна. Да.

Гуров. Интересный вид общения, не правда ли?

Анна. Постойте...

Гуров. Так ведь могут атрофироваться голосовые связки.

Анна. Никакая это не записка! (Смеется.) Это счет за кофе!

Гуров (невинно). Разве?

Анна. Конечно! Видите, она кладет сверху деньги.

Гуров. Гм. Действительно.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru
Анна. Вы меня разыгрываете!

Гуров. Нет. Это всего лишь невинная курортная забава.

Анна. Что?

Гуров. Потом объясню. Завтра я еду в Ореанду прощаться с водопадом. Вы не составите мне компанию?

Анна. Боюсь, что я...

Гуров. Вместе с вашей очаровательной компаньонкой. Мы ее окрестим в природной купели. Какое мы дадим ей имя?

Анна. Мой муж может...

Гуров. Ялта! Нет возражений?

Анна. Ялта? Собака?

Гуров. Почему нет? Она будет вам напоминать о крымской идиллии. Между прочим, меня зовут Дмитрий Гуров. Из Москвы. А вы?

Анна. Анна... Сергеевна. Из Парголово.

Гуров. О! Итальянка!

Анна (смеется). Парголово – это в пяти верстах к северу от Петербурга.

Гуров. Да нет же, это в трех верстах к югу от Рима. Бьюсь об заклад, что вы поете в итальянской опере. Их теноры у нас частые гости. (Понизив голос.) Видите мужчину с мороженым? Он утверждает, что он незаконнорожденный сын королевы Виктории. А что, очень даже возможно. У нее было девятнадцать детей. (Громко.) В десять я зайду за вами в гостиницу и доставлю вас к обеду в целости и сохранности. Кстати, где ваш кофе?

Анна. Я и забыла.

Гуров. У них кофейный перерыв! Я напомню официанту. Придет? Пожалуй. Вместе со своей лохматой психопаткой. А вдруг не придет? (Равнодушно пожимает плечами.)

Анна. Какой странный. «Ровно сто семьдесят лет назад!» (Смеется.) Ему и сорока не будет. Женат? Да, он упомянул про жену. И детей, наверно, двое или трое. Пора бы и повзрослеть. На банковского служащего совсем не похож. На филолога, кстати, тоже. А как, собственно, выглядят филологи? Надо спросить. Изображает из себя весельчака, а на самом деле? Есть в нем что-то... нетерпеливое.

Гуров. Забавное словцо – «победа»! «Вчера я одержал победу на любовном фронте». Звучит, как военная сводка. С оттенком насилия. Не скажу, что оно меня шокирует, но сам я это слово не употребляю. Наверно, потому, что никогда не думал о своих женщинах, как о воинских трофеях. Скорее как о любительницах приключений. Ярких... увлекательных... воздушных, как суфле. Так, во всяком случае, бывает в дебюте. Тоже своего рода игра. Потом она переходит в миттельшпиль, и начинаются осложнения... с угрозами... и ты даешь себе слово: «Всё, это была твоя последняя партия». Но дебюты! Как тут устоишь? Да и надо ли? (Громко.) Впечатляет, да?

Анна. Что?

Гуров (перекрикивая шум воды). Водопад!

Анна. Красиво.

Гуров. Жидкое серебро.

Анна. Немного жутковато.

Гуров. В считанные секунды вниз обрушивается тонна воды.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru
Анна. Это не укладывается в голове.

Гуров. А где Ялта? (Собаке.) Иди сюда, отсюда лучше видно. (Анне.) Ее пугает этот грохот. Похоже, она не испытывает ко мне нежных чувств. (В сторону.) Это у нас взаимно. (Анне.) Давайте отойдем. Когда приезжает ваш муж?

Анна. Как только освободится.

Гуров. Освободится от чего?

Анна. От службы.

Гуров. А чем он занимается?

Анна. Он в губернском правлении... или в земской управе? (Смеется.) Ужасно. Никак не запомню.

Гуров. Стыдно, стыдно. Если он появится до моего отъезда, мы должны показать ему серебряный водопад.

Анна. Вы уезжаете завтра?

Гуров. Пожалуй, задержусь на несколько дней. Мы ведь с вами еще не были в городском саду. И в казино. А в пятницу мы встречаем пароход из Феодосии. (Вдруг перешел на шепот.) Видите этого босого мальчишку? Отходящего от женщины в зеленой шали? Только что он украл у нее сумочку.

Анна. Украл...? (Шлепает его по руке.) Да ну вас, в самом деле! Пойдемте, нам пора возвращаться.

Гуров. Спасибо, что составили мне компанию.

Анна. Ялта! Ялта! Идем, девочка моя.

Гуров. Кого вы зовете?

Анна. Ялту, которую мы здесь окрестили. Мою собачку.

Гуров. Какую собачку?

Анна. Да вот же она!

Гуров (шлепает ее по руке). Да ну вас, в самом деле! Где вы видите собачку?

Анна. Да вот же она!.. Ах, опять вы со своими глупостями!

Гуров. Гм, в самом деле.

Анна. Пойдемте, а то разберут извозчиков.

Гуров. Потом был городской сад. И казино, где я немного пустил пыль в глаза... глупо, не спорю... оставил приличную сумму. Она вела себя... благоразумно. А в пятницу мы пошли на мол встречать пароход из Феодосии, весь в огнях, сулящих бог знает какие надежды.

Анна. Почему я решила, что он странный? Вовсе нет. Нормальный... Внимательный. Щедрый. А смешной! Скажет что-нибудь, ну, ни в какие ворота не лезет, а лицо такое серьезное. Я уж и не помню, когда последний раз столько смеялась. Но иногда он уходил в себя, и я чувствовала... не знаю, как сказать... от него веяло таким одиночеством.

Гуров. В тот вечер на набережной... она была так раскованна, так счастлива. И удивительно хороша той красотой, которой награждает молодость. Мы поцеловались прямо на глазах у шумной публики, хлынувшей на пристань. Да. Нисколько не смущаясь. А затем я взял ее за руку, и мы пошли к ней в номер. (Пауза.) Здесь можно отметить, что свою собачонку она заперла в стенной шкаф, и эта дрянь всю ночь скреблась под дверь. Отметим также, что утро выдалось... бурным. Слезы. Раскаяние. Покаянные речи. Все, что полагается. Вплоть до классической фразы «Я

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru навсегда потеряла ваше уважение». Ложка дегтя в бочке меда.

Анна (в слезах). Зачем? Как вы могли? Нашли жертву – тогда, на площади!

Гуров. Анна, ты сама не знаешь, что говоришь.

Анна. Кто я для вас? Уличная женщина. Сколько их у вас было здесь до меня?

Гуров. Я не стал меньше уважать тебя.

Анна. Ты ведь ничего не знаешь, и тебе нет до этого никакого дела, а мой муж, может быть, честный, хороший человек, который во мне души не чает.

Гуров. Я ни минуты не сомневаюсь.

Анна. И этого достойнейшего человека я предала, я пала так низко, как только можно пасть.

Гуров. Анна...

Анна. То, что я сделала, это гадко... хуже, низко. Я стала пошлой, дурной женщиной...

Гуров. Шшш.

Анна. Если бы вы себя могли сейчас видеть! Вы меня презираете, и правильно делаете. Боже мой, зачем я приехала в этот вертеп!

Гуров. Все это говорилось с настоящим жаром. Разве что немного... театрально. Но она не наигрывала. Бедняжка в самом деле считала себя, – хотя она и не произнесла вслух этих слов, – «падшей женщиной». Да, да. Удивительно.

Анна (спокойно). Передо мной стояли глаза Николая, его прекрасные честные глаза. В них не было обвинительного приговора или даже упрека. В них стоял немой вопрос: «Анна, почему?»

Гуров. Неожиданно она обвила меня руками, прижалась ко мне с такой силой, словно надеялась, что я могу спасти ее от нее самой. У нее опустились, завяли черты, и по сторонам лица печально висели длинные волосы. Я вдруг понял, что она не многим старше моей дочери.

Анна. Мне надо было, чтобы он обнял меня и повторял мне тихо и ласково: «Анна, девочка моя, ну что ты...» Без этих слов я бы не выдержала.

Гуров. Это утро мы как-то пережили. Я говорил ей, что люблю ее, и говорил искренне. Наконец слезы высохли, ушел этот страх, стоявший в глазах, к ней вернулась прежняя веселость. Мы позавтракали «У Вернера». Оба заказали мидии с чесноком и белое вино. И то, и другое было превосходно. Потом мы вышли на набережную. Похоже, буря миновала.

Она берет его под руку и, наклонившись, шепчет как заговорщица.

Анна. Видишь эту парочку? Не смотри так!

Гуров. Это моя роль.

Анна. Где его левая рука?

Гуров. В каком смысле?

Анна. Куда он ее дел? Расскажи, что ты видишь.

Гуров. Я вижу степенную пару, которая...

Анна. Ну, не бесстыдник? Средь бела дня!

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru
Гуров. Ты о чем...?

Анна. Она пытается идти как ни в чем не бывало, но когда мужская рука лежит у тебя на... Нет, ну каков!

Гуров. Ты хочешь сказать, что он...

Она что-то быстро шепчет ему на ухо, после чего раздражается смехом. Он тоже смеется с таким видом, будто шокирован.

И не стыдно?

Анна. Это ему должно быть стыдно!

Гуров. Совсем мы расшалились.

Анна. Ты хочешь сказать, что я не права?

Гуров. Права. На все сто!

Анна. У нее все на лице написано. Ну и тип! Думает, если он глядит в другую сторону, никто не догадается, что он в это время вытворяет! (Собирается еще что-то шепнуть ему на ухо, как вдруг в панике спохватывается.) Ялта?! О боже! Дмитрий...

Гуров. Что такое?

Анна. Где Ялта?

Гуров. Я только что...

Анна. Она исчезла!

Гуров. Полно тебе. Через две минуты она...

Анна. Моя бесценная, мое сокровище! (Мечется по сцене.) Ялта! Ялта! Где ты, девочка моя? Дмитрий, ее украли, она потерялась, она убежала! Ялта! Почему вы за ней не смотрели?

Гуров. Анна, здесь невозможно потеряться.

Анна. Тогда где она? Ялта! Ялта!

Гуров. Где-нибудь поблизости.

Анна. Вы говорите это, чтобы меня успокоить. Лучше бы вы за ней присмотрели. Ялта! Она умница, она прибежит в гостиницу. Ну, что ты стоишь! Беги в тот конец, а я в этот! Господи, если она не найдется, что я скажу Николаю?

Гуров. Эта дурында в самом деле ждала нас в гостинице. Сидела на кровати, как королева.

Анна (прижимает «собачку» к груди). Ты моя радость, ты мое счастье! Поцелуй свою мамочку! Еще, еще! (Гурову.) Смотри, как она глазки опускает. (Собаке.) Стыдно, да? Ну всё, всё. Я тебя простила. (Гурову.) Поцелуй ее. (Собаке.) Поцелуй митю. Больше никогда не убегай, ты меня поняла? Никогда! (Гурову.) Ты погляди, что она хвостом выделывает! Ну, не красавица?

Гуров (любуясь Анной). Красавица, да. Она и все вокруг дышало счастьем. Мы опустили шторы и до ужина не выходили из номера. На этот раз запирать собачонку в стенной шкаф мы не стали...

Анна. Что так рано? Я ждала вас не раньше, чем через час.

Гуров. Внизу ждет извозчик. Мы едем в Алушту смотреть старую византийскую церковь.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Анна. Я получила от Николая телеграмму.

Гуров. От кого?

Анна. От Николая, моего мужа. Его кладут в больницу с глазной инфекцией. Дело серьезное. Он просит меня немедленно приехать. Кажется, он встревожен не на шутку.

Гуров. Вот как.

Анна. Я еду ночным поездом.

Гуров. Ммм.

Анна. Сегодня.

Гуров. Понимаю.

Анна. Удачно, не правда ли?

Гуров. Что ты этим хочешь сказать?

Анна. Больница, именно сейчас. Это сама судьба! Вы меня проводите?

Гуров. Когда твой поезд?

Анна. В половине восьмого.

Гуров. Разумеется, я тебя провожу.

Анна. Так будет лучше, правда?

Гуров (в купе, деловито). Очень неплохо. Мягкая постель. Теплое купе. Чемоданы наверху. А где шляпная коробка? (Анна поднимает воображаемую коробку.) Отлично. Ялта может спать на коврик. Смотри, кофейник и круассаны. Если среди ночи тебе расхочется в твое Парголово... ты правда это не выдумала?

Анна. Что?

Гуров. Парголово?

Анна. Я там живу.

Гуров. Допустим. В любом случае это в Италии, так что ты едешь в обратную сторону.

Анна. Это в пяти верстах к северу от Петербурга.

Гуров. Прошу прощения, но это в трех верстах к югу от Рима. Приедешь – увидишь. Одним словом, если среди ночи ты передумаешь ехать в Италию, дерни за этот шнур и...

Анна. Дайте я погляжу на вас еще раз. (Пауза.) Не целуйте меня, ради бога. Мы больше не увидимся.

Гуров. Анна...

Анна. Но я всегда буду любить вас.

Гуров. И я буду всегда...

Анна. Шшш. Не надо признаний. Нам не следовало вовсе встречаться, но так уж случилось, и теперь прежнюю жизнь не вернешь. Слышите, второй гонг! Иди, Митя. (Он подается к ней.) Нет, нет, дорогой! Я тебя умоляю. Прощай. (Отворачивается.)

Гуров. Вечер был холодный, платформа быстро опустела, но я не мог уйти, пока поезд не скрылся из глаз. Вы замечали, как медленно разгоняется курьерский? Я

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru забыл дома перчатки, и руки у меня озябли. Да и ноги тоже. Осень! Курортный сезон закончился.

Было такое чувство, будто только что проснулся после сладкого забытья. Еще одно похождение. Или, лучше сказать, легкое приключение. С чудной попутчицей. Вдвойне приятное, оттого что оно вовремя закончилось... без осложнений и всего такого. Идеальный вариант.

И само приключение как бы перешло в другое качество. То, что было таким реальным целых семь дней, – или десять? – быстро теряло свою осязаемость и переходило в разряд... фантазии. Впрочем, с самого начала в этой истории было много тумана. А может, ничего и не было? Может, я все это придумал?

В таком случае она ничем не отличается от вымышленных биографий, которыми я наделял незнакомых людей в кафе на площади. (Увлеченный этой мыслью.) А что, разве не изощренная игра? Этот серебряный водопад в Ореанде...

А что такое?

Нет в Ореанде никакого водопада. И гостиницы «Марино» в Ялте – тоже нет.

Ты шутишь.

И этот корабль-призрак, весь в огнях, из Феодосии. Ничего нет. Ни парка, ни набережной, ни площади.

Как? И площади не было?

Ни-че-го. Игра воображения.

Вот тебе раз!

Ну, разве могла в реальной жизни, даже в самой изощренной любовной игре, появиться такая Анна?

Дмитрий, побойся бога, что ты говоришь!

Разве это возможно?

Ты несправедлив. И к ней, и к себе.

То есть она была?

Анна? Ну, разумеется, была. Чудная Анна, прелестная Анна, хотя... чтобы мысленно увидеть ее прелести, требуется небольшое усилие. А разве это справедливо? Что-что, а их-то ты, точно, не забыл. Ведь не забыл? Так к чему эта глупая и недостойная игра!

В самом деле.

Проженный циник, вот ты кто.

я?

Молчи!

Молчу.

И все же кое-что, согласимся, относится к области воображения. Эта мерзкая собачонка Ялта. Вот кого, точно, не было.

Анна. Не успел Николай выписаться, как подхватил инфекцию другого глаза и снова очутился в больнице. Больше двух месяцев я была одна, если не считать нашей горничной Сони. Это было тяжелое время. Снег выпал рано. Каждый день я ходила пешком в больницу, около часа в один конец. Меня беспокоило состояние Николая. Он боялся потерять место, боялся оставить нас без средств к существованию, но больше всего он боялся потерять зрение. Приходилось постоянно его успокаивать. Он уже не мог без меня. Каждый мой уход сопровождался слезами. Мы словно

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru поменялись ролями.

Дмитрий все время был со мной. То он звал меня откуда-то издалека, и приходилось напрягаться, чтобы разобрать слова. То рядом раздавалось: «А в пятницу мы будем встречать пароход из Феодосии». Или подзывал официанта: «Можно еще чашечку кофе?» Иногда, заслышав наверху его шаги, я подходила к лестнице и ждала, когда он спустится. Бывало, подсев к печке с романом или своим банковским гроссбухом, он на мгновение отрывался от чтения и одаривал меня рассеянной улыбкой. А иногда, бесшумно подойдя ко мне сзади, он вдруг заключал меня в объятья и что-то шептал мне в шею. В эти мгновения меня переполняло такое невообразимое счастье, что у меня подгибались ноги, и я бы, наверно, упала, не держи он меня крепко в руках.

Странное состояние. Сознать с болезненной ясностью, что я его никогда, никогда не увижу, и при этом не расставаться с ним ни на минуту, блаженствовать в его незримом присутствии. Может, у меня было что-то с головой? А может, я просто переродилась.

Гуров. Два месяца со мной творилось что-то непонятное. Москва, без которой я жить не мог, сделалась для меня ненавистной, а служба до того бессмысленной, что я шел в банк, как под дулом пистолета. Я занимался бог знает чем, лишь бы не идти домой, где меня ждала гнетущая тишина или назойливые дети со своими несделанными уроками. Я вступил в теннисный клуб! В ноябре! Три раза в неделю, ночи напролет, играл в карты. Увязался за сослуживцем на собрание музыкального общества, где он и его друзья-любители целый вечер кормили меня Бахом и Генделем. Видели бы вы, с каким энтузиазмом я их слушал! Я получал от этого удовольствие!

Но самое любопытное я приберег напоследок. Помните «курортные забавы»? Эта игра неожиданно обрела... обратный смысл. Или мой мир перевернулся. А может, сама жизнь оказалась вывернутой наизнанку? Вдруг, без всякой видимой причины, все, что до сих пор казалось мне реальным, превратилось в мираж. А все, что я рисовал в своем воображении, относилось ли это к прошлому или к будущему, стало абсолютно реально, чтобы не сказать, единственной реальностью. Банк, сослуживцы, дом, карточная игра – это фантомы. А настоящее – оно все тут. (Показывает: в голове.) Настоящее – это гостиница «Марино». Серебряный водопад. Городская площадь, сердце Ялты. И, конечно, Анна.

Я мог жить только рядом с ней, в ее ауре. Слышать ее дыхание, журчащий смех, обволакивающий голос. Замирать от прикосновения ее ладоней. Вот почему в середине декабря, когда я решил ехать в Парголово, то был не минутный порыв, а совершенно естественная потребность.

Анна. Я заполняла дни маленькими радостями, милыми пустяками. Их можно было бы назвать сюрпризами, если бы я их с такой тщательностью не готовила. Это была не детская «игра понарошку», а репетиции того, что рано или поздно все равно случится.

В пятницу, после того как Николай уедет на консультацию к врачу, а Соня понесет белье в прачечную, ровно в четыре раздастся стук, три отчетливых удара. В прихожей я мимоходом гляну в зеркало и отворю дверь. Он! В соломенной шляпе, на губах ухмылочка. «Поторопись, а то опоздаем на пароход».

А через неделю, в субботу, по дороге в мясную лавку я встречу с ним под городскими часами. С тех пор как я вернулась в Парголово, стрелки застыли на десяти часах. «Анна! – всплеснет он руками. – Опоздать на два года, слуханное ли это дело!»

А завтра в почтовом ящике будет лежать письмо. Я скажу Николаю, что это от сестры. В письме подробнейший план нашего бегства в Крым с описанием дома (беленые стены, на буфете голубые тарелки), и наших прогулок, и фруктовых деревьев, которые мы посадим. Он знает, что мой любимый цвет – голубой.

Вот такие репетиции будущего.

И не беда, что в дверь не постучали, и он не ждал меня под часами с застывшими стрелками, и в ящике не лежало письмо про голубые тарелки. Не скажу, чтобы меня это сильно разочаровало. Нисколько. Просто счастье, счастье полное, неизбежное,

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru отодвигалось на некоторое время.

Гуров обхватывает ее сзади, ее лицо выражает неподдельный испуг и растерянность.

Гуров. Анна...

Анна. Что?... кто это?..

Гуров. Неужто обознался?

Анна (разворачивается, видит Гурова). Боже мой! (Спохватившись, шепотом.) Боже мой.

Гуров. Я должен был вас увидеть.

Анна. Дмитрий Дмитрич?

Гуров. Он самый.

Анна. Господи...

Гуров (скороговоркой). Я узнал адрес и три часа ходил перед вашим домом, все не решался постучаться, уже не верил, что я вас увижу, и вдруг вы, вы, это невероятно...

Анна. Вы должны уехать.

Гуров (с расстановкой). ...все такая же... нет, еще более красивая...

Анна. Что вы здесь делаете? Послушайте, вам нельзя здесь оставаться! Уезжайте сегодня же!

Гуров. Кожа пахнет все так же, и руки все такие же...

Анна. Где вы остановились?

Гуров. Где я... что?

Анна. Давно вы здесь? В какой гостинице?

Гуров. В привокзальной.

Анна. Как вы меня испугали! Господи, я же знала, что мы никогда не увидимся...

Гуров. Да вот же я.

Анна. Мне надо купить керосина.

Гуров. Смотрите.

Анна. Для лампы в спальню.

Гуров. Анна, посмотри на меня!

Анна. Когда вы уезжаете?

Гуров. Я тебя поцелую.

Анна. Здесь люди! Вы сошли с ума!

Гуров. Разок.

Анна. Что вы делаете... кругом люди... Дмитрий, заклинаю вас... уезжайте сегодня, сейчас...

Гуров. Один раз.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Анна. Это невозможно... люди смотрят... я приеду к вам в Москву...

Гуров. Один поцелуй.

Анна. Боже мой... клянусь, я приеду в Москву... милый... (Обвивает его руками и быстро целует.) А теперь расстанемся. Митя, я приеду к тебе в Москву. Я напишу тебе на адрес банка. Мы увидимся... в начале месяца... мой милый, дорогой мой... (Берет его лицо в ладони, снова целует.) Я должна идти... О боже, Митенька...

Гуров. А насчет Парголово ты была права.

Анна (не понимает, о чем он). Права?

Гуров. Это не в Италии.

Анна. Нет.

Гуров. В России.

Анна. Ты уверен?

Гуров. Там, где мы с тобой.

Анна. Господи!

Гуров. Я ошибался.

Анна. Нет, нет... в Москве, я обещаю... я тебе клянусь, любовь моя.

Гуров. Значит, в Москве.

Анна (быстро отворачивается). Я стала приезжать к нему в Москву. Раз в два-три месяца. При каждом удобном случае. Николаю я говорила, что еду посоветоваться с профессором насчет женской болезни. Остановившись в гостинице, я тотчас же посылала человека с запиской «Эльф приехал». Наш тайный шифр. Дмитрий любил такие шутки. Вечером он появился у меня, а на следующее утро я уезжала обратно в Парголово. (Вспомнила.) Кстати, с глазами у Николая стало гораздо лучше... во всяком случае, не хуже. Он теперь постоянно ходил в темных очках, и они с Ялтой много гуляли. Вскоре его перевели из губернского правления в земскую управу... или из управы в правление... (махнула рукой) ах, все равно! Его тронуло внимание начальства. Что касается «московского профессора по женским болезням»... не думаю, что он в это поверил, скорее делал вид.

Гуров. Прежде я никогда не вел двойную жизнь. Оказывается, это очень просто – в каком-то смысле. С одной стороны, ничего не изменилось: служба в банке, споры в клубе, семья, клиенты, юбилеи... все явно, и все обман.

А с другой стороны, наша жизнь вдвоем: бурная, полная восторгов и терзаний, пьянящая, как всякая тайна. Она захватила меня и швырнула в сумасшедший водоворот. И эту жизнь я считал настоящей, да, в сущности, так оно и было.

Другое дело, что эти две жизни – публичная и частная, фальшивая и настоящая – не имеют таких уж четких границ, как нам хотелось бы думать. Жизнь настоящая не обходится без фальши, а в фальшивой жизни бывают минуты подлинного чувства. Иногда вдруг все перемешается, и ты уже не можешь отличить одну от другой. Не то, чтобы я запутался. Так сложилось. Очевидным было одно: я ее любил. Да, я никого так не любил – ни до, ни после.

Почему ты плачешь?

Анна. Сейчас пройдет.

Гуров (обнимает ее). Шшш.

Анна. Не знаю, что со мной. Так глупо.

Гуров. Сегодня твои волосы иначе пахнут. Новые духи?

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Анна. Митя, наша жизнь разбита, неужели ты не видишь!

Гуров. Что с тобой сегодня?

Анна. Видимся тайно, обманываем, живем, как беглые...

Гуров. Моя чудная беглянка!

Анна. Но как мы можем убежать, когда мы оба несвободны? Если бы ты знал, как я тебя люблю... я тебя боготворю. Ах, Митенька, родной мой, скажи, что ты будешь любить меня всегда!

Гуров. И вправду ведь боготворила. Да и я, кажется, впервые в жизни готов был ее боготворить. Разве я мог сказать ей, что в один прекрасный день все это закончится? Она бы мне все равно не поверила.

Они стоят спиной друг к другу, крепко держась за руки.

Анна. Митя, ты ведь будешь любить меня всегда?

Гуров. Да.

Анна. Я тоже.

Гуров. Я знаю.

Анна. Мы счастливые. Ты хоть понимаешь, какие мы счастливые? Много ли ты знаешь людей, которым выпало такое счастье? Нас сам бог соединил.

Гуров. Да.

Анна. Нет, правда. Это судьба.

Гуров. Да.

Анна. В эти минуты, а их было много-много, мне казалось, мы что-нибудь придумаем, найдем какое-то решение. Бог вмешается! Пошлет чудесное избавление, и наше счастье будет полным. Полным и вечным. Но когда оно еще будет, это чудо, а пока надо долго, долго идти и спотыкаться. Самое сложное и трудное только начинается.

Гуров. Анна, поцелуй меня.

Они целуются. Где-то звучит бравурный военный марш.

Медведь

По мотивам водевиля А.П.Чехова

Действующие лица:

Елена Ивановна Попова – молодая привлекательная вдова, помещица

Григорий Степанович Смирнов – средних лет, физически крепок и напорист, помещик

Лука – лакей Поповой, старик

Гостиная в усадьбе Поповой. Жаркий летний день.

ПОПОВА сидит на кушетке и читает книгу. После смерти ее мужа прошел почти год,

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru но она все еще стойко носит траур, вся в черном. Входит ЛУКА, пошатываясь под тяжестью корзины с дровами. Ставит корзину возле печки, вытирает взмокший лоб и шею. Раскладывает дрова.

Лука. Жара... а я дрова таскаю. А спросите меня, зачем? А по привычке. Принес корзину дров, разложил у печки. Порядок! (С трудом разгибается.) Ох, и наломался! А годы-то уже не те. Так недолго и богу душу отдать.

Попова (в своих мыслях). Что?

Лука. Нехорошо, барыня. Такая лепота, а вы из дому не выходите! (Со смешком.) Девки вон – слышите? – весь крыжовник обобрали, за смородину принялись. (В распахнутое окно.) Дарья! Пелагея! небось, от помощи-то не откажетесь? (Разбитная Дарья отвечает ему какой-то скабрзностью, девки громко хохочут. Смущенно покосившись на барыню, Лука кричит в окно.) У, бесстыжая! (Поповой.) Мало ее пороли. Ишь, языкастая!.. (Пауза, смотрит в окно.) Даже кошка и та свое удовольствие понимает...

Попова. Что ты сказал? (Оторвалась от книги, держит палец на прочитанном месте.)

Лука. Кошка, говорю, взад-вперед расхаживает и на пташек вроде как и не глядит.

Попова. Ты мне мешаешь читать, Лука.

Лука. А я вам поставлю стул, прямо под липой? Сидите и читайте хоть до морковкина заговенья.

Попова. Ты знаешь, я никогда отсюда не выйду! И кончим этот разговор.

Лука. Эх, барыня-матушка!

Попова. Сколько раз тебе повторять? Жизнь моя кончена. Он лежит в могиле, я погребла себя в четырех стенах. Мы оба умерли. (Пытается читать.)

Лука. Ну, вот! И не слушал бы, право. Николай Михайлович померли, так тому и быть, Божья воля, царство им небесное. Вы год погоревали, и будет. Не век же траур носить. У меня тоже старуха померла, я с месяц поплакал, как полагается. Помните, барыня, ее? Набожная была, работающая. Месяц траура – в самый раз.

Попова. Лука...

Лука. А цельный век Лазаря петь можно токмо по привычке. Себя заживо похоронить!

Попова. Всё? А теперь я, с твоего позволения... (Утыкается в книгу.)

Лука. Соседей всех забыли.

Попова. Угомонись...

Лука. И сами не ездите, и принимать не велите. В городе вон полк стоит, офицеры-красавцы, каждый день военная оркестра музыку играет, по пятницам балы. Танцуй, веселись, а вы, окромя своих романов, ничего не видите! Молодая, красивая, кровь с молоком. Пройдет годов десять, и куда вы тогда? Нешто вам Лука зла желает? Профукаете свою молодость, а потом спохватитесь, ан поздно будет.

Попова. Я прошу тебя никогда не вести со мной этих разговоров.

Лука. Матушка-барыня, я же вам...

Попова. Никогда. Ты знаешь, с тех пор как умер Николай Михайлович, я дала себе клятву до самой могилы не снимать этого траура и не видеть света. Ты слышишь? Жизнь потеряла для меня всякую цену. Осталась только моя любовь к мужу. Я докажу ему, как я умею любить. И пусть его тень содрогнется! Да, да, он часто бывал жесток ко мне и... и даже неверен... ты это знаешь. Но я буду верна ему до могилы, я покажу ему истинную любовь!

Лука. Матушка, да как же вы ему покажите, когда он в некотором роде...

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru
Попова. Не так уж и жарко. Пожалуй, ты затопи печь.

Лука. Нынче из больницы выписывают вашу крестную Полину Андреевну, так вы велите запрячь Тоби или Великана, съездили бы к ней, отвезли свежих фруктов...

Попова. Он так любил Тоби! Он всегда ездил на нем в город, к друзьям. Сколько грации было в его фигуре, когда он изо всей силы натягивал вожжи! Тоби, Тоби... сколько ты мог бы всего порассказать! Прикажи ему дать сегодня лишнюю осьмушку овса.

Лука. Слушаю.

Резкий звонок.

Попова (вздрагивает). Кто это? Скажи, что я никого не принимаю.

Лука. Слушаю-с! (Уходит.)

Попова (вдогонку). Никого!

Громкие голоса в прихожей. Попова быстро подходит к зеркалу, поправляет прическу и блузку. Взгляд ее падает на фотографию покойного мужа.

Сейчас ты увидишь, Nicolas, как я умею прощать. Прощать и любить. Смотри и стыдись. И тебе не совестно? Я заперла себя на замок, все ради тебя, а ты глядишь куда-то мимо своими влажными глазами и кому-то улыбаешься, будто меня и нет...

Входит встревоженный Лука.

Лука. Сударыня, там мужчина!

Попова. И что?

Лука. Хочет вас видеть.

Попова. Скажи, что я не принимаю.

Лука. Я уж сказал.

Попова. Скажи – в трауре.

Лука. Они не желают слушать.

Попова. Так выгони его!

Лука. Уж больно здоровый, а у меня спина...

Попова. Я не при-ни-ма-ю!

Лука. Говорит, очень нужное дело.

Попова. Гони его с крыльца.

Лука. Леший какой-то... так и прет... уж в столовой стоит... Я, матушка...

Входит Смирнов.

Смирнов (Луке). Иди напои мою лошадь. Небось, не рассыпешься. (Кланяется Поповой.) Сударыня, честь имею представиться: отставной поручик артиллерии,

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru
землевладелец Григорий Степанович Смирнов!

Попова. Вы всегда так врываетесь к людям в дом?

Смирнов. Виноват. Крайние обстоятельства.

Попова (Луке). Поди, задай Тоби овса. (Лука медлит, боясь оставить ее одну.) Не волнуйся за меня, Лука. Иди.

Лука выходит.

Что вам угодно?

Смирнов. Ваш покойный супруг, с которым я имел честь быть знаком, покупал у меня овес. Скорблю о его утрате вместе с вами.

Попова. Благодарю.

Смирнов. Вы в трауре, я буду краток. Незадолго до его смерти я поставил вашему мужу большую партию сена. Денег у него тогда не было, и он дал мне вексель. (Достает бумагу.) На тысячу двести рублей, срок выплаты три месяца. Прошло уже больше года.

Попова. И что же теперь?

Смирнов. Мне срочно нужны деньги.

Попова. Если Николай Михайлович остался вам должен, то, разумеется, я вам заплачу.

Смирнов. Вы сняли камень с моей души...

Попова. Когда вернется из города мой приказчик. Приходите послезавтра, и мы это все обсудим. (Забирает у него вексель.) Вы позволите?

Смирнов. Вы меня не поняли, сударыня. Мне деньги нужны сегодня. Если я завтра не заплачу процентов в Земельный банк, у меня опишут имение, и я окажусь на улице!

Попова. Вы меня тоже не поняли. У меня нет сейчас свободных денег. Послезавтра, когда вернется мой приказчик, он хорошенько изучит этот вексель и заплатит все, что вам причитается, если причитается.

Смирнов. «Если»?!

Попова. И вообще, сегодня десять месяцев как умер мой муж, и у меня нет настроения заниматься всякими мелочами.

Смирнов. Мелочами! Меня смешают с дерьмом, я вылечу в трубу вверх ногами, и это вы называете «мелочи»?!

Попова. Я попрошу вас, сударь, выбирать выражения. Послезавтра вы получите свои деньги.

Смирнов. К тому времени я буду сидеть в долговой яме!.

Попова. Вы слышали: послезавтра.

Смирнов. Извольте заплатить прямо сейчас.

Попова. Я не могу.

Смирнов. Не можете или не желаете?

Попова. Послезавтра.

Смирнов. Еще раз скажете это слово, и я из вас сделаю...

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Попова (тихо, но внутри вся кипит). Как вы смеете так со мной разговаривать? Врываешься в мой дом, как разъяренный медведь. Запугиваете тут всех. Требуете денег, ругаетесь, как пьяный извозчик. Если вы сию минуту не уйдете, Лука спустит вас с крыльца.

Смирнов (с напускным страхом). Нет! Только не это!

Попова уходит.

Успокойтесь, сударыня. Мне нужны ваши деньги, а больше я ни на что не покушаюсь. Во рту пересохло! (Ищет, чего бы выпить.) Ну, умер у тебя муж, сочувствую, но и ты войди в мое положение. С пяти утра на ногах, объездил всех своих должников, и хоть бы один заплатил! Ярошевич выпрыгнул в окно, как был, в одной рубашке. Груздев как чувствовал, что я приеду; третьего дня помер. Я его сыну так и сказал: «Подлец, – говорю, – твой папаша». Так он на меня собак спустил! Курицын – тот еще стал издеваться, я его прибил маленько. А ведь зря, у него сынок по судебной части. Теперь этот траурный шлейф с настроением... Голова болит. Водки выпить, что ли?.. Не везет, так уж не везет. Еще эта жара. Как она назвала это старое пугало? (Кричит.) Эй, Геракл! – погоди, матушка, я из тебя выжму все до последнего рублика.

Входит Лука.

Лука. Чего вам?

Смирнов. Дай мне квасу или воды! (Лука топчется на месте: выполнять или не выполнять требование непрошеного гостя? Смирнов рычит.) Воды, я сказал! Или оглох? Большую кружку!

Лука уходит. Смирнов скидывает один сапог, разглядывает ступню.

Этот Груздев, щучий сын! Правильно я сделал, что пальнул в него: сразу проснулся. И эту надо бы припугнуть. Плевать я хотел на тебя и твоего покойника. Ты плати, а до остального мне дела нет.

Лука входит и подает воду.

Лука. Барыня больны и не принимают.

Смирнов. Зачем ты мне воду суешь, дурак? Принеси водки!

Лука (обомлел). Что вам?

Смирнов. Водки! Водки! Водки!

Лука. Так бы сразу и сказали. (Уходит.)

Смирнов. Старая вешалка еще что-то вякает. «Больны и не принимают»! А мы не гордые, мы и подождать можем. (Скидывает второй сапог, подходит к окну.) Семен, распрягай! Скажи на конюшне, чтобы овса дали лошадям. Мы не скоро уедем. (Разваливается на стуле.) А куда нам спешить?

Возвращается Лука со штофом водки и рюмкой.

Ну, то-то. Ступай. (Потирает лодыжку.) Укусила-таки! (Останавливает Луку.) Геракл, что там за юбки по саду шастают?

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru
Лука. Юбки...?

Смирнов. Бабенки, телушки, кобылки! Не понятно?

Лука. Это нашей барыни прислуга.

Смирнов (оживился). Вот оно что! И как же звать эту высокую девку?

Лука. Сударь, я, право...

Смирнов. Черноволосую, крутобедрую, с двумя здоровыми...

Лука. Дарья.

Смирнов. Дарья. Поди скажи Дарье, что жизнь для Григория Степановича Смирнова, соседского барина, после того как он ее увидел, открылась совершенно по-новому.

Лука. Я ей передам. (Уходит.)

Смирнов (ему вслед). Передашь ты, как же. (Опрокинул стопку и тут же налил еще. Расхаживает по комнате в одних носках, остановился перед зеркалом.) Хорош гусь! Сейчас бы принять ванну, да переодеться. Попал, как кур в ошип. (Опрокинул стопку.) Круто с места взял, поручик! (Осматривается.) А славно тут. Уютненько и со вкусом. Вот чего тебе, Гриша, не хватает: вкуса. Ну и денег, само собой.

Входит Попова в наброшенной на плечи красной шали.

Смирнов. А водка хороша! (Откидывается на стуле.)

Попова (с трудом сдерживается). Почему вы кричите?

Смирнов. По рюмашке?

Попова. Это дом скорби. Здесь говорят вполголоса.

Смирнов (шепотом). Я буду, как мышка. Тише воды, ниже травы. (Потирает лодыжку.) Надо ж как тяпнула. Как бы не пришлось делать прививку от бешенства!

Попова (только сейчас заметила, что он без сапог). Вы, сударь, не в кабаке. Надевайте сапоги и уходите.

Смирнов. Заплатите долг, и я уеду.

Попова. Я вам русским языком сказала: послезавтра.

Смирнов. Может, мне с вами, как с Груздевым? Пальнуть разок-другой для острастки, а?

Попова. Без приказчика я не могу...

Смирнов. Это его псина меня за ногу цапнула. Я ее пристрелил. У меня разговор короткий.

Попова. Что же мне делать, если у меня нет денег?

Смирнов. Водка делает меня добряком. Надо было и сына пристрелить.

Попова. Приходите послезавтра, и мы...

Смирнов (срывается). Долго вы мне тут будете голову морочить?! (Спокойнее.) Слушайте меня внимательно, сударыня. Вы мне должны двенадцать тысяч. Я буду здесь сидеть, пока все сполна не получу. День, два, три. Ущучили? (Улыбается.) Велите своему Гераклу принести мои вещи в спальню для гостей. Она у вас на первом этаже или на втором?

Попова. Нет, каков наглец! Вы вызываете у меня отвращение!

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Смирнов. Черт возьми, как сосет под ложечкой. Так бы, кажется, и съел целого барана. Черный цвет вам к лицу.

Попова. Невоспитанный, грубый человек, не умеющий обращаться с женщинами.

Смирнов. Впрочем, вы это сами знаете.

Попова. Вы когда-нибудь бывали в приличном обществе?

Смирнов. Что у нас сегодня на обед?

Попова. Откуда только берутся такие невежи! Вы хоть понимаете, что такое женщина, черт возьми!

Смирнов. Вот уже мы ругаемся.

Попова. Вас, наверно, воспитывали на конюшне.

Смирнов. Полегче, полегче.

Попова. Хотя чему я удивляюсь? В армии ваш брат непременно хам, невежа и женоненавистник. Откуда вам знать, что такое женское общество!

Смирнов (сохраняя видимое спокойствие). Сударыня, я провел в женском обществе больше времени, чем вы в молитвах. Пять раз я стрелялся на дуэли из-за женщин, скольких я бросил, сколько бросили меня! Три раза был женат, это официально, о гражданских женах я не говорю. На своем веку я видел женщин больше, чем вы воробьев!

Попова. Урок не впрок.

Смирнов. Я любил, да-с! Было время, когда я миндальничал, рассыпался бисером, шаркал ногами... вам это подавай?... всё, отшаркался! Стишки в альбомы вот тоже пописывал... всякую дребедень. Трещал, как сорока, об эмансипации! А потом вдруг прозрел и ужаснулся: томные взгляды, «шепот, робкое дыханье», запах пачулей, тайное пожатие рук... тьфу! Кисея, эфир, богини, а заглянешь в душу – крокодил! Про хитрость и коварство я уже не говорю. Без мыла в зад влезаете!

Попова. Сударь...!

Смирнов. А верностью и постоянством вы можете поспорить с кроликами!

Попова. Что вы такое несете?

Смирнов. Мы вышли в шали. К чему бы это?

Попова. Прекратите паясничать!

Смирнов. Вам идет. Нарочно надели?

Попова (делает вид, что не расслышала). Это женщины-то неверны и непостоянны?

Смирнов. За исключением старух и уродин.

Попова. Как это тонко!

Смирнов. Зато по существу.

Попова. Да кто же, по-вашему, верен и постоянен в любви? Уж не мужчина ли?

Смирнов. Да-с, мужчина.

Попова. Ну, так послушайте меня, Ромео! Я всем сердцем любила мужа, и по сей день ношу по нему траур. Я жила ради него, я молилась на него, как язычница... и что же? Мой бог самым бессовестным образом обманывал меня на каждом шагу! Несмотря на предательство и постоянную боль, я любила его и была ему верна. Он умер, а я все еще верна, и буду верна ему до гроба. Пусть знает, что в мире еще

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru не перевелась настоящая любовь.

Смирнов (скучным голосом). Браво. Выпьете?

Попова. Так что можете не читать мне лекции о верности.

Смирнов. Нет, ей-богу, водка делает меня добряком.

Попова. Вы... развратник!

Смирнов. Что вы на меня кричите?

Попова. Я не кричу!

Смирнов. Орете, как резаная.

Попова. Это мой дом, и здесь мне никто не указ.

Смирнов. А теперь мы себя ведем, как капризная пятилетняя девочка.

Попова. Вот что я вам еще хочу сказать...

Смирнов. Только покорооче, а то это становится скучно.

Попова (севшим голосом). Как?

Смирнов. «Верна до гроба», «вечная любовь»... вздор. Как говаривала моя матушка, кружева плетете. Сами не верите ни одному своему слову.

Попова. По-вашему, я вру?

Смирнов. Как сивый мерин.

Попова. Убирайтесь!

Смирнов. Денежки.

Попова. Вон! Сию секунду! Лука!

Смирнов. Опять орете.

Попова (тихо, с достоинством). Лука! (Не дождавшись результата.) Лука!!!

Входит Лука.

Лука, спусти с крыльца этого нахала.

Лука переводит взгляд с одного на другого, в ужасе от невыполнимости этого приказа. Пауза затягивается.

Лука. Меду в этом году, говорят, будет пропасть сколько. Лето жаркое.

Попова. Лука, ты слышал? Вышвырни его отсюда!

Смирнов. Оставьте вы старичка в покое. Не видите, он сейчас концы отдаст. (Луке, добродушно.) У меня с собой револьвер. Показать?

Лука (хватается за сердце). Батюшки!.. Угодники!.. сударь... барыня-матушка... (Падает в кресло.) Дух захватило! воды!

Попова (подбегает к окну). Даша! Пелагея! Где вы все?

Смирнов (натягивая сапоги). Давайте сюда вашу Дашу. (Луке.) Вот кто нам нужен, да, старичок?

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Лука. Ради бога, стакан...

Попова. Мои работники... они сделают из вас, знаете что?

Лука. Барыня, прикажите подать воды.

Смирнов (Луке). Слышал? Она мне угрожает. (Чем больше Елена повышает голос, тем тише он говорит.)

Попова. Последний раз, пока я их не позвала, убирайтесь из моего дома!

Смирнов (Луке). Умираю, хочу есть.

Лука. Сударь, я...

Смирнов. Геракл, что у нас на обед?

Попова. Вон отсюда!

Смирнов. Опять мы кричим.

Попова. Хам, солдафон, бурбон...

Смирнов. Не понял?

Попова. Свинья, бабник!

Смирнов. Пойдите...

Попова. Мужик, грубый медведь, монстр!

Смирнов. Позвольте, какое вы имеете право оскорблять меня?

Попова. Потому что я вас презираю!

Смирнов (едва слышно). Я буду с вами...

Попова. Не смейте на меня орать!

Смирнов. ...стреляться.

Лука. Ооо!

Попова. Стреляться? Вы хотите стреляться с женщиной? Вот вы себя и показали во всей красе!

Смирнов. К барьеру!

Лука. Батюшки святы...

Попова. Отлично!

Смирнов. Вы желаете равенства? – извольте.

Попова. Прекрасно! После мужа остались пистолеты.

Смирнов. Вы согласны?

Попова. Еще бы!

Смирнов. Здесь и сейчас?

Попова. В саду! С каким наслаждением я влеплю пулю в ваш медный лоб!

Лука (встает на ватных ногах). Барыня-матушка... Христом Богом... что вы такое...

Попова. Ничего, Лука. Этого бурбона надо проучить. (Смирнову.) Пистолеты в

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru спальне, я сейчас принесу. (Выходит.)

Смирнов (с удивлением и восхищением). «Влеплю пулю в медный лоб...» Во баба!

Лука (хватает его за руку). Батюшка родимый, сделай такую милость, уйди ты отсюда.

Смирнов (не слушая). Честное слово, первый раз в жизни такую вижу!

Лука. Уйди ты, Христа ради, и делу конец.

Смирнов. Откуда взялась эта ярость? Вот тебе и монашка! И как только покойный муж управлялся с нею? Гром, молния! Может, это его и убило? Природная стихия! Раскраснелась, глаза блестят... И сразу – за пистолет!

Лука. Батюшка, она ведь не всурьез, а так...

Смирнов. Прямо-таки библейская страсть. Какая роскошная женщина! Удивительная женщина, я такой, право, и не видел.

Лука. Если вы, сударь, сейчас уйдете, я за вас буду вечно Бога молить.

Смирнов. А ведь ее надо пристрелить... ну, ранить. По крайней мере, ты прав, это будет равный поединок.

Лука. Я прав? Помилуйте, я ничего такого...

Смирнов. Ты сможешь это оценить. Окончательная женская эмансипация. Мне повезло: я должен освободить «существо высшего порядка»... это ты хорошо сказал.

Лука. Да когда ж я, сударь, говорил такое?

Смирнов (обнимает Луку за плечи). Я тебе открою тайну, Лука. Лука, правильно? Когда пришел из Земельного банка этот ультиматум, я вдруг почувствовал, как на мое плечо легла рука и голос... откуда-то оттуда... сказал: «Григорий Степанович, езжай в дом безутешной вдовы, ибо там тебя ждет радость великая!» Ты понял, чья это была рука?

Лука. Я...

Смирнов. А голос... соображаешь?

Лука. Вам, батюшка, голову напекло, а тут еще водочка по жаре, сами знаете...

Смирнов. Прежде чем мы пойдем с ней в сад, вот что я тебе, Лука, скажу: то, что ты так предан своей госпоже, это достойно уважения... нет, восхищения. (Крепко жмет ему руку.) Храни ее бог. И тебя, Лука. И нас всех.

Лука (сбитый с толку). Истинно так! Золотые слова.

Входит Попова с ящиком для пистолетов. Их диалог со Смирновым спокоен и деловит.

Попова. Ну вот.

Смирнов. Отлично.

Попова. Немного пыльная.

Смирнов (протягивает платок). А вы протрите... Елена, если не ошибаюсь?

Попова. Да. Благодарю.

Смирнов. Главное, чтобы стреляли.

Попова. Не сомневайтесь. Защелка, кажется, заржавела.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru
Смирнов. Позвольте мне.

Попова. Я сама. (Открывает ящик.) Вот.

Смирнов. Прекрасно.

Попова. Ваш платок.

Смирнов. Спасибо.

Попова. Немного грязный.

Смирнов. Пустяки. (О пистолетах.) Ваши?

Попова. Нет-нет.

Смирнов. Вашего мужа.

Попова. Моего покойного мужа.

Смирнов. Николая... Михайловича?

Попова. Да.

Смирнов. Он хорошо стрелял?

Попова. Почему вы меня все время спрашиваете о моем покойном муже?

Смирнов. Простите.

Попова. Имейте в виду: я ни разу в жизни не держала в руках пистолета.

Смирнов. Ни разу в жизни?

Попова. Ни разу в жизни.

Смирнов. Seriously?

Попова. Вы покажете мне, как нужно стрелять?

Смирнов. С удовольствием.

Лука (в панике). Позвать людей! Беда-то какая, Господи! (Кричит им в лицо.) Оба
трехнулись! (Убегает.)

Попова. Что это с ним? Лука!

Смирнов. Вы позволите?

Попова. Да, конечно. (Отдает ему ящик с пистолетами.)

Смирнов. Ему не нравится, когда мы ссоримся. (Открывает ящик.) Красавцы!

Попова. Правда?

Смирнов. Револьверы системы «Смит и Вессон», тройного действия с экстрактором.

Попова. Что вы говорите!

Смирнов. Прекрасные пистолеты. Инкрустация, отделка из слоновой кости.

Попова. В самом деле, красивые.

Смирнов. Цена таким минимум девяносто рублей за пару. Что ж, начнем. (Стоя
сзади, вкладывает ей в руки пистолет, при этом она оказывается как бы у него в
объятьях.) Держать револьвер нужно... Вы случайно не левша?

Попова. Нет.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Смирнов. Тогда наоборот.

Попова. В правой?

Смирнов. А левая для упора. Теперь тянем эту штучку на себя...

Попова. Так?

Смирнов. Молодец. Это называется «взвести курок». Прицеливаемся... чуть повыше... хорошо. Голову чуть назад. Вот так. (Зарылся лицом в ее волосы, томно.) Боже мой!

Попова. Что такое?

Смирнов. Все отлично. Вытягиваем руку... (В упор разглядывает ее затылок.)

Попова. Ну?

Смирнов. ...взводим курок...

Попова. Я уже взвела.

Смирнов. Да? Действительно.

Попова. И что дальше?

Смирнов. Дальше вот этим пальчиком надавливаете эту штучку...

Попова. Продолжайте.

Смирнов. Плавно, плавно. Хорошо.

Попова. И всё?

Смирнов. Всё. Главное правило: прицеливайтесь не спеша. Не горячитесь. И чтобы рука не дрожала.

Попова. У меня не дрожит.

Смирнов. Разве?

Попова. Это у вас дрожит.

Смирнов. В самом деле. По-моему, вы все отлично усвоили. (Отстраняется, берет второй пистолет.)

Попова. В комнатах стреляться неудобно, пойдете в сад. (Направляется к выходу.)

Смирнов. Я должен вас предупредить...

Попова. Вы идете или нет?

Смирнов. Целиться в вас я не стану.

Попова. Я вас не понимаю.

Смирнов. Я выстрелю в воздух.

Попова (подошла, лицом к лицу). Вы трусили! У вас бегают глаза!

Смирнов. Неправда...

Попова. Вы сами вызвали меня к барьеру, так что извольте драться. Я не могу отказать себе в удовольствии влить вам пулю, сами знаете куда. Смелее, поручик!

Смирнов. Да, трусил. Смотрите... рука дрожит.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Попова (вглядывается в его лицо). Лжете! Почему вы не хотите драться?

Смирнов. Потому что... потому что... вы мне нравитесь.

Попова. Я ему нравлюсь! Нет, вы слышали? И он еще смеет говорить мне эти слова!

Смирнов. Я не шучу.

Попова. Врывается в мой дом... глумится над моей вдовой скорбью... требует у меня деньги... пьет мою водку... пытается совратить моих девушек... ругается, как в казарме... грозит пристрелить моего лакея... орет, хамит, буянит... и после всего этого заявляет, что я ему нравлюсь! Интересно, как бы он себя повел, если бы я ему не нравилась?!

Смирнов. Я... я почти влюблен...

Попова. Убирайтесь.

Смирнов. Боже, какая женщина!

Попова. Я вас ненавижу.

Смирнов. Огонь... вулкан... Совсем пропал... (Надвигается на нее.)

Попова. Еще шаг, и я стреляю!

Смирнов. Эти чудные глаза, и роскошные волосы, и гибкий стан... Влюблен... как пить дать, влюблен!

Попова. Вы сошли с ума.

Смирнов. Пожалуй.

Попова. Оставьте меня.

Смирнов. И потерять вас навсегда? Вы меня совсем не знаете. Я дворянин, имею приличное имение, изрядный годовой доход... племенные лошади, мельница...

Попова. «Приличное имение», «изрядный годовой доход»? Да вы, сударь, банкрот!

Смирнов. Что такое деньги? Я мужчина, охотник, картежник, выпивоха... боже, что я такое несу! Идите за меня!

Попова. Охолоните.

Смирнов. Да или нет?

Попова. Вы меня вызвали на дуэль? Держите слово!

Смирнов. Держу...все, что угодно... любое ваше желание. Пропал! Погиб! Ни одну из женщин я не любил так, как вас!..

Попова. А как же три жены?

Смирнов. Я валяюсь у ваших ног, вы застрелили меня без единого выстрела, а это еще никому не удавалось...

Попова (ехидно). Даже тем, из-за кого вы стрелялись на дуэли.

Смирнов. Как я мог любить их, когда само это слово – любовь – было для меня тайной за семью печатями! Они мне нравились, но не более того. Разве можно сравнивать! С вами я чувствую себя безумцем, мое сердце рвется на части. Я цепенею, я теряю рассудок, я замираю в райском блаженстве. Так вы будете моей женой?

Попова. С какой стати?

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил shekhovanton.ru
Смирнов. Если откажете, вы себе этого до конца дней не простите. Смотрите... стою на коленях, как дурак... Да или нет? Да или нет?

Попова. Я, кажется, говорила, что я вас ненавижу.

Смирнов. Выйдете за меня?

Попова. Вот пристал, как банный лист!

Смирнов. Выйдете?

Попова. Так вот же вам назло, не выйду! (Молча оценив ее слова, он встает с колен и идет к двери.) Нахрапистый. Неотесанный. Вульгарный.

Смирнов. Прощайте.

Попова. И это еще мягко сказано.

Смирнов. Счастливо оставаться.

Попова. Скатертью дорожка! Чтобы духу вашего здесь не было!

Смирнов (озабоченным тоном). Опять кричите.

Попова. Неправда.

Смирнов. Вы себя не слышите.

Попова. Очень мне надо на вас кричать!

Смирнов. Вы так молоды, а нервы ни к черту. Замуровали себя, вместо того чтобы резвиться на солнышке со своими девушками. Неужели в вашей жизни совсем не осталось радостей?

Попова (не сразу). Вы правы, я превратилась в старую мегеру, всем недовольную, вечно брюзжащую... Посмотрите! (Он подходит ближе, вглядывается в ее лицо.) Видите? Нижняя губа... две морщинки... вот и вот. Господи, в кого я превратилась!

Смирнов (обнимает ее). Нет, нет, неправда.

Попова. Так и буду жить одна, как сыч.

Смирнов. Старая мегера? Ну что вы, вы самая...

Попова. Вам следует держаться от меня подальше.

Смирнов. Поздно. (Целует ее волосы, шею, плечи. Они оба, как в тумане.)

Попова. Григорий, пожалуйста, уходите... Вы меня слышите, Гриша?

Смирнов. Нет. Я вас никогда не оставлю.

Попова. Я вас ненавижу?

Смирнов. Глупости.

Попова. У меня пальцы онемели. (О пистолете.) Заберите это.

Смирнов. Нет, никогда.

Попова. Я вся онемела. Что со мной, Гриша?

Смирнов. Я вас обожаю.

Попова. Вы же не медведь, правда?

Смирнов. Обожаю.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru
Попова. Обещайте, что послезавтра вы снова придете.

Смирнов. Обожаю.

Попова. Обещаете?

Смирнов. Завтра проценты платить, а тут вы...

Попова. Как я вас ненавижу!..

Продолжительный поцелуй. Входит Лука с вилами, он настроен очень решительно.

Лука. Барыня, я вас в обиду... (Увидел, что происходит.) Пресвятая Богородица!

Попова. Лука, скажи на конюшне, чтобы овса Тоби не давали.

Быстрое затемнение

После занавеса
Встреча в кафе
Действующие лица:

Соня Серебрякова

Андрей Прозоров

Москва. Двадцатые годы. Затрапезное кафе. Поздний вечер.

В кафе одна СОНЯ, за 40, в очках, волосы тронуты сединой. Перед ней кипа документов и картограмм, которые она с сосредоточенным видом изучает, забыв про остывший чай. Видно, что это занятие утомило ее до крайности.

Входит АНДРЕЙ, под 50, с тарелкой супа в одной руке и черным хлебом в другой, прижимая к груди футляр со скрипкой. Под мышкой зажата холщовая сумка. Из-под поношенного пальто выглядывает вконец протертый костюм. По причине природной застенчивости он часто улыбается, что может людей, его не знающих, ввести в заблуждение. Вот и сейчас, проходя мимо столика Сони, он останавливается с широкой улыбкой и несколько раз отвешивает поклон.

Андрей. Добрый вечер!

Соня (не узнала, холодно). Добрый вечер. (Снова уткнулась в бумаги.)

Андрей. Дела.

Соня. Простите?

Андрей. Не узнали. Вчера мы здесь сидели.

Соня. Да?

Андрей. Так хорошо поговорили. Про обветренные губы.

Соня. Про...

Андрей. И про ознобыши. (Поясняет.) Крапивница... в мороз ...

Соня (перебивает). Ну, конечно! Вы гордились своим талантливym семейством!

Андрей. О боже! Не напоминайте мне об этом.

Соня. Одаренная девочка и сын, настоящий вундеркинд.

Андрей. Не вгоняйте меня в краску.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Соня. Разумеется, я вас узнала. Что же вы стоите? Да садитесь же.

Андрей. А я вас сразу узнал...

Соня (пододвигает ему стул). Ну?

Андрей. По затылку.

Соня (озадаченно). Вот как?

Андрей. Похоже, сегодня мы опять одни.

Соня. Вы с репетиции?

Андрей. С утра практически без перерыва.

Соня. В оперном театре?

Андрей. Ага, помните.

Соня. Вы всегда репетируете в вечернем костюме?

Андрей. Дирижер-немец. Такой педант! (Направляется к дальнему столику.) Желаю вам получить удовольствие от вашего чая.

Соня. А вам от...

Андрей. Суп.

Соня. От супа.

Андрей. И хлеб.

Соня. Свежий?

Андрей. Черненький!

Соня (озадаченно). А-а.

Андрей. За стойкой опять эта ведьма – вы заметили? Когда я расплачивался, такую скорчила рожу!

Соня. Она кусает посетителей.

Андрей (растерялся). Это шутка?

Соня. Может, вы присядете?

Андрей. Нет, нет. Вы так заняты...

Соня (собирает бумаги). Извините. У меня от всего этого уже голова идет кругом. Прошу вас.

Андрей. Я не хочу вам мешать. Будет лучше, если...

Соня. Вы мне не мешаете. Скорее я испытываю неловкость оттого, что вы стоите.

Андрей. Простите. Конечно. Спасибо. (Сел.) Соня, правильно?

Соня. Правильно.

Андрей. Вот!

Соня. Соня Серебрякова.

Андрей. Будем знакомы... еще раз.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru
Соня. А вас, кажется, Андрей?

Андрей. Точно.

Соня. Вот!

Андрей. Андрей Прозоров.

Соня. Будем знакомы.

Андрей. Щи.

Соня (обращаясь к тарелке). Глубокоуважаемые щи!

Андрей. Что?

Соня (смеется). Я же говорю, у меня голова немного... (Показывает жестом.)

Андрей. Вы устали?

Соня. Есть чуть-чуть. У меня трудный вечер, а завтра первым утренним поездом домой. (Вспомнила.) А с чего это вдруг мы заговорили о крапивнице?

Андрей. Вы рассказывали про травяные настойки.

Соня. Вот уж скучная тема.

Андрей. Это точно. Скучнее не придумаешь. (Сняв пальто, набрасывается на суп.) Извините. Ужасно хочется есть.

Соня. Еще мы говорили об одиночестве.

Андрей. Мм-ммм.

Соня. И как с ним справляться.

Андрей. Ммм.

Соня. Мы сошлись на том, что не всегда это удастся.

Андрей. Ну, в общем...

Соня (озадачена). Вы ведь остались без жены? Давно она умерла?

Андрей. Не помню. Стыдно, правда? Лет семнадцать назад... нет, больше. А ваш дядя?

Соня. Девятого сентября будет девятнадцать лет, упокой, Господи, его душу. Вчера, кажется, мы дали волю своим чувствам. Точнее, я.

Андрей. Разве?

Соня (резко меняя тему). А щи, вроде, ничего.

Андрей. Чуть теплые.

Соня. Так отнесите назад.

Андрей. Этой Горгоне-Медузе? Покорно благодарю...

Соня (хватает тарелку). Так я отнесу.

Андрей. Нет, нет, не надо! Я люблю теплый суп.

Соня. Хлеб, по крайней мере, свежий?

Андрей. Вполне. Черненький!

Соня (озадаченно). Я вижу. Как репетиция?

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Андрей. Ноги болят. Шесть часов на ногах, как вы думаете!

Соня. Оркестр репетирует стоя?

Андрей (пауза). Нет, но когда долго сидишь на жестком стуле, особенно в струнной секции, зад немеет... извините за выражение. Время от времени приходится вставать и похлопывать себя по ляжкам, чтобы улучшить кровоток. А потом... потом от долгого стояния начинают затекать ноги. Через несколько часов все тело как чужое, растирай не растирай. Я когда уйду с репетиции, меня ущипни за любое место – я даже не почувствую.

Соня. А почему струнная секция?

Андрей. Что почему?

Соня. Вы сказали, все немеет, особенно в струнной секции.

Андрей. Потому что во всех оркестрах струнники – самые большие пьяницы и сплетники.

Соня. Андрей, вы меня совсем запутали.

Андрей. Я пытаюсь вам доходчиво объяснить...

Соня. Давайте вернемся к началу. Вы репетируете «Богему».

Андрей. Совершенно верно.

Соня. В оперном театре.

Андрей. Да.

Соня. Сочинение Пуччини.

Андрей. Все правильно.

Соня. Родился в Лукке в 1858 году.

Андрей. Так было сказано в газете.

Соня. Он еще жив?

Андрей. Кто, Пуччини? Не думаю.

Соня. А что в этом невероятного?

Андрей. Я думаю, он умер.

Соня. Вы это точно знаете?

Андрей. Нет.

Соня. Ну так что вы глядите таким букой? За дирижерским пультом дотошный немец, оркестранты трудятся, не покладая рук, а ваша Мими само очарование!

Андрей. Вы видели ее на афише? Какие лучистые глаза! Между прочим, ей всего девятнадцать лет.

Соня (сухо). Я рада за нее. Одним словом, будет огромный успех.

Андрей. Вы думаете?

Соня. Вы сами это говорили.

Андрей. Разве? Мне казалось...

Соня. Когда же спектакль?

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Андрей. Завтра.

Соня. Я бы хотела послушать, но к девяти вечера мне надо быть дома. Очень жаль.

Андрей. Это будет нечто необыкновенное, я знаю!

Соня. Вот! Наконец я слышу энтузиазм в голосе.

Андрей. Не удивляйтесь. Я по натуре оптимист. Девочки – мои сестры – называют меня живчиком. Как прошли ваши деловые встречи?

Соня. Прекрасно. Лучше не бывает.

Андрей. Рад за вас.

Соня. Утром банк, днем Наркомзем. В Наркомземе такие внимательные люди.

Андрей. Приятно слышать.

Соня. Правда? В банке мне подали замечательную идею. Они советуют – настоятельно советуют, – чтобы я... нет, вам это скучно.

Андрей. Ну что вы. Мне это очень интересно.

Соня. Они говорят, что зерновые культуры – пшеница, рожь, ячмень – всего этого не надо. Слишком рискованно, да и для женщины хлопотно. А вместо этого они настаивают...

Андрей. В Наркомземе?

Соня. В банке. Вместо этого они настаивают... то есть, конечно, не настаивают... они настоятельно рекомендуют посадить деревья.

Андрей. На всем участке?

Соня. На всем участке.

Андрей. Большой?

Соня (уклончиво описала в воздухе некую фигуру). Я как раз изучала бумаги, когда вы вошли. Все так сложно... но я разберусь. Просто мне нужно время. Это, уверяют они, будет приносить мне твердый доход. Со временем. Ближе к смерти, я так понимаю. А что, красиво? Лесонасаждение!

Андрей. Наконец я слышу энтузиазм в голосе.

Соня. Раз и навсегда порвать с прошлым – ведь это такое облегчение, правда?

Андрей. Да уж, ничего не скажешь.

Соня. И потом... (Словно читая лекцию.) «Деревья хороши и сами по себе. Они украшают землю и благотворно действуют на климат. А кроме того, они рожают в человеке чувство благоговения и поддерживают слабеющий дух».

Андрей (аплодирует). Bravo!

Соня. Не мои слова. Это сказал мой близкий друг, вкладывающий в восстановление лесов всю свою страсть.

Андрей. Вы уже с ним говорили об этом проекте?

Соня. Он меня наверняка поддержит. (Быстро меняя тему.) Какая же это тоска – все эти старые купчие, просроченные векселя, закладные! Сам черт ногу сломит. А ведь когда-то я в этом отлично разбиралась... когда имение еще было нашим. Не хуже какого-нибудь счетовода. Не верите? Напрасно. Дядя Ваня с радостью перепоручил мне все дела по управлению имением, потому что я в этом знала толк, а он – нет, хотя он в этом и не признавался.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Андрей. А в чем состояло управление имением?

Соня. Я нанимала рабочих, арендовала сельхозтехнику, участвовала в торгах, вела бухгалтерию. Всего не перечесть. Господи, еще помогала нашим соседям!

Андрей. Точно как Наташа... моя жена... мир ее праху. Она была гением по части финансов.

Соня. О себе я бы так не сказала...

Андрей. «Гений» – это я, пожалуй, переборщил.

Соня. Скажем так, весьма компетентная.

Андрей. Вот! Так будет точнее.

Соня. А потом, почти одновременно, случились два события. В Москве умер мой отец, и его молодая вдова, моя мачеха, переехала к нам – на один год. Несравненная Елена. Красивая, изящная, милая... ну разве что немного бессердечная, хотя не мне судить. Моя ровесница, только хороша собой. Дядя Ваня без памяти влюбился. Впервые в жизни. Отчаянно, безнадежно. Он был на двадцать пять лет старше. Ах, до чего же она была хороша!.. Наверно, у него помрачился рассудок... В одно прекрасное утро нашего милого дядю Ваню какая-то муха укусила, и он вдруг объявил, что имением должен управлять мужчина! Переложить на свои плечи вся тяготы. Что он и сделал. Взялся за гуж с тем упрямством и нахрапистостью, которые при известных обстоятельствах отличают людей мягких и нерешительных. Это было вторым событием. Надо ли говорить, что имение быстро пришло в расстройство, мы влезли в долги, а кончилось... вот этим. Бедный дядя. Он, конечно, понимал, что наломал дров, но снова передать мне дела он уже не мог. Его Елена Прекрасная от нас уехала, он сделался угрюм, раздражителен, мелочен. Доктор считает, что его удар стал следствием его озабоченного состояния.

Андрей. Очень может быть.

Соня. Это случилось за завтраком, во время жатвы. Сознание к нему больше не вернулось. Я послала весточку Елене в Париж, где она тогда отдыхала. Она не приехала. Впрочем, он бы ее все равно не узнал.

Андрей. Господь упокой его душу.

Соня. Но, знаете, что меня радует? В эти три недели, пока он лежал в беспмятстве, с его лица сошла эта озабоченность и неприятное выражение упрямого, я вдруг снова увидела добрейшего, нескладного дядю Ваню, который мог ударить кулаком по столу со словами «Я знаю, что я прав!», будучи совершенно в этом не уверен.

Андрей. Вы жили вдвоем?

Соня. А больше у меня никого не осталось.

Андрей. Да, вы говорили.

Соня. Глядя, как из него уходит жизнь, я понимала, что вместе с ней уходит часть меня. Могу вслед за вами повторить: «Господь упокой его душу».

Андрей. Он протянул три недели?

Соня. Три недели и один день. Мы с Михаилом Львовичем дежурили возле него по ночам.

Андрей. А кто такой Михаил Львович?

Соня. Мой друг, семейный доктор, большой энтузиаст леса.

Андрей. Ах, этот.

Соня. Слуги ложились спать, в доме наступала тишина. Это были трудные бдения, но

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru мы чувствовали себя избранными. Мы сидели молча по обе стороны постели, как одно целое, и хотя доктор бывал так пьян, что вскоре засыпал, я знаю, это были счастливейшие минуты моей жизни.

Андрей. Как, говорите, его звали?

Соня. Доктор Астров. Михаил Львович. Визионер, почти святой... хотя и не всегда трезвый. (Без перехода.) У вас есть деревья?

Андрей. Да, конечно.

Соня. И вы молчали! Вот кто должен дать мне совет.

Андрей. Если я могу чем-то быть вам полезен...

Соня. Сколько у вас гектаров леса?

Андрей. У нас сад и две березы.

Соня. Две березы? (Хохочет.) О господи.

Андрей. Смешно, я понимаю.

Соня. Две огромные березы!

Андрей. Землепользование – это не про нас.

Соня. Сад-то хоть большой?

Андрей. Одна десятая гектара. Мы никогда не трудились на земле. Отец был военный. Родился я в Москве. Мне было четыре года, когда его полк перевели в Таганрог. Там прошла вся моя жизнь.

Соня. Ваш отец...

Андрей. Генерал Прозоров. Исключительный был человек.

Соня. Вы проделали тыщу верст из-за итальянской оперы?

Андрей. А что делать скрипачу в Таганроге? Я немного учительствую, но грех не поиграть, если выпадает такая возможность.

Соня. Вот это я называю энтузиазм! Bravo!

Андрей. Могу я вам принести свежего чаю?

Соня. Спасибо, не надо.

Андрей. Этот уже остыл.

Соня. Ничего.

Андрей. Я должен попросить у вас прощения за вчерашний вечер. Наговорил про своих детей, бог знает, какие глупости.

Соня. Ваш Бобик врач, а Софочка инженер. Вы ими гордитесь.

Андрей. Боюсь, что я немного приврал. Бобик, проучившись год, бросил свою медицину и подался в Москву, без профессии, без средств к существованию. Софи тоже не закончила курс. Одно время она работала в строительной организации, а сейчас живет, кажется, где-то в Казахстане.

Соня. Они вам пишут?

Андрей. Нет.

Соня. Что ж, у них своя жизнь.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru Андрей. Вы так считаете? Наташа, моя покойница жена, их мать, любила повторять, что их испортили мои сестры, у которых не было собственных детей. Но я так не считаю. Она нарочно так говорила, потому что девочки с самого начала не приняли ее как свою. В их глазах ей не хватало... вкуса. Ее провинциальный напор вызывал у них... чувство неловкости. Может, супу?

Соня. Нет-нет.

Андрей. С хлебом?

Соня. Спасибо.

Андрей. Черненький...

Соня. ...и свежий, я знаю. Спасибо, не надо.

Андрей (обращаясь к хлебу). Глубокоуважаемый черный хлеб! (Смеется.) Видите, у меня тоже голова немного... (Показывает жестом.)

Соня. Сколько у вас сестер?

Андрей. Осталось две. Бедная Маша умерла пятнадцать лет назад.

Соня. Сколько же ей было?

Андрей. Тридцать. Застрелилась из отцовского револьвера.

Соня. О господи.

Андрей. К тому времени она уже несколько лет не жила с нами. Как говорится, не сложилось.

Соня. Грустная история.

Андрей. Он был подполковник. Женатый. И Маша несвободна, замужем за местным учителем. Роман был бурным... и коротким. Подполковника перевели в Москву, и на этом все кончилось. Она ему писала, сначала каждый день, затем раз в неделю, но ответа так и не получила. Он просто исчез из ее жизни. И тут она стала от нас отдаляться. (Меняет тему.) А другие две сестры, они такие мужественные, такие умницы, вы себе представить не можете. Одно меня удивляет... что при таком уме они... (Прикусил язык.) Я слишком много болтаю.

Соня. Итак, вас удивляет...

Андрей. Что свою жизнь в Таганроге они считают ненастоящей, случайной. Глупо, правда? Таганрог для них – это зал ожидания... перед дорогой в настоящую жизнь, которая, как они считают, возможна только здесь, в городе их детства, в Москве, которой они не видели сорок с лишним лет! Согласитесь, это странно.

Соня. Не соглашусь.

Андрей. То есть как?

Соня. Я думаю, для Маши эта Москва была единственной реальностью.

Андрей. Может быть. Я знаю одно, из Таганрога они никуда не уедут, и в глубине души понимают, что они придумали эту жизнь в Москве, которая так и останется мечтой. Наверно, кто-то только так и может... жить в вечном ожидании.

Соня. Да, именно так.

Андрей. Странно, правда?

Соня. Не будем повторяться. Вы любите своих сестер, а это главное.

Андрей. И они меня, несмотря на то, что я неудачник... то есть в некотором роде. Все ждали, что я стану великим ученым! Вообразите, я – ученый!.. Да, можно сказать, жизнь обошла моих девочек стороной... Сорок лет просидеть в зале ожидания

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru – вы не находите это странным?

Соня. Нет.

Андрей. Уж не хотите ли вы сказать, что вы и сами так живете? В ожидании, когда сбудутся какие-то глупые мечты? (Спохватился, смущен.) Что я говорю.. простите.. я не хотел вас... (Встает.) Схожу-ка я за чаем. Вам тоже? (Соня отрицательно качает головой.) Если она попытается меня укусить, я буду кричать и звать на помощь. (Идет к двери, останавливается.) Господи, моим сестрам уже под пятьдесят, а я все время называю их девочками. Как это глупо! (Выходит.)

Соня долго глядит ему вслед. Затем быстро открывает свою сумку, достает оттуда фляжку и подливает водку в стакан. Выпив, наливает еще и прячет фляжку в сумку. Возвращается Андрей с горячим чаем.

Соня. Вы не кричали. Уж не влюбилась ли она в вас? Это было бы пострашнее, чем укус, а?

Андрей. Боюсь, что вчера я вам сказал неправду.

Соня. Неправду?

Андрей. Точнее, сгустил краски. То есть немного исказил картину.

Соня. Андрей, о чем вы?

Андрей. Наташа, моя...

Соня. Покойная жена, я помню.

Андрей. Жена, но не покойная. Видите ли, она не умерла. Сказать так... это было дурно с моей стороны. Еще добавил: «Упокой, Господи, ее душу». Я не должен, не должен был так говорить!

Соня. Она вас оставила.

Андрей. Как вы догадались? Да, ушла к председателю земской управы, некоему Протопопову. Бобику было восемь, а Софочке десять.

Соня. Что с ними стало?

Андрей. Наташа, моя... Она, конечно, хотела их забрать, но Протопопов возражал категорически, и поэтому они остались со мной. Вообразите, какая это для нее была мука!

Соня. Я представляю.

Андрей. Страшный удар. А я тогда как раз был членом земской управы, чиновником второго класса... разумеется, пришлось уйти.

Соня. Вашим детям повезло – они оказались под присмотром любящих тетусек.

Андрей. Повезло, не то слово. После того как Наташа меня оставила, я сделался немного... не в себе. Все не мог найти себя в этой жизни. Почти десять лет. Без девочек они бы совсем пропали. Но это уже другая история.

Соня. Наташу вы после этого видели?

Андрей. Мы часто видимся. Они ведь живут за городом, совсем близко! Роскошный особняк на берегу реки. Наташа всегда питала слабость к... излишествам. А я, в сущности, один, если не считать девочек... извините, моих уже немолодых сестер. – О, времени-то сколько! Засиделись мы с вами.

Испытующе на него посмотрев, Соня вдруг достает фляжку и подносит к его стакану.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Соня. Чуть-чуть?

Андрей. Что это?

Соня. Водка.

Андрей. Вы шутите.

Соня. Харьковская. Лучше не бывает.

Андрей. Вы удивительно смелая женщина!

Соня. Так вам налить?

Андрей. Нет, нет, что вы...

Соня. Немножко.

Андрей. О господи.

Соня. Две капли. (Льет.)

Андрей. Хватит!

Соня. Еще?

Андрей. Всё, всё, всё!

Соня. Попробуйте.

Андрей (подержав коктейль во рту, не спеша проглотил). Да-а-а!

Соня. Божественный напиток? (наливает себе.)

Андрей. Что и говорить.

Соня. Как вы вообще насчет водочки?

Андрей. Не спрашивайте.

Соня. Уважаете?

Андрей. Как говорится, отдал дань. Но уже давно завязал.

Соня. Совсем завязали?

Андрей. Ну разве еще две капли. (Она налила, он залпом выпил.) Хороша!

Соня. Ну, то-то.

Андрей. Вы спрашиваете, как я насчет водочки. Десять лет она была моей главной утешительницей. Кто не знал в Таганроге Андрея Прозорова! Пьянство, карты, драки, веселые компании. Головорез! Приличные люди шарахались от меня, как от чумы. (Помолчал.) Кажется, я опять погорячился.

Соня. Вы не были головорезом, я угадала?

Андрей. Тихий, безобидный пьяница. (Протягивает стакан.) С вашего разрешения? (Она наливает.) Какой неожиданный вечер. (Обращаясь к водке.) Ах ты, моя умница!

Соня. Верная подруга.

Андрей. Тост! За вашего близкого друга доктора Астрова!

Соня. Ближайшего.

Андрей. Визионера, святого и... что там еще?

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Соня. Не всегда трезвого.

Андрей. Отличное сочетание! Он мне нравится. За Михаила Львовича!

Соня. За Михаила Львовича.

Андрей. И за ваш будущий лес! Пусть он поддерживает слабеющий дух.

Соня. Он в это свято верит.

Андрей. И за Соною Серебрякову, которая снова осчастливила это заведение своим блистательным появлением!

Соня. Спасибо.

Андрей. А знаете, я надеялся вас здесь увидеть.

Соня. Вот как?

Андрей. Кто-то обещал мне домашнее средство от ознобышей.

Соня. Я хочу выпить за Андрея Прозорова, который все больше напоминает мне моего дядю Ваню.

Андрей. Правда?

Соня. В моих устах это высший комплимент. И еще, за Джакомо Пуччини!

Андрей. Пусть земля ему будет пухом.

Соня. Вы упрямец. И в этом вы схожи с дядей Ваней. За ваши леса и необыкновенный сад!

Андрей. Осторожно.

Соня. Ой... извиняюсь.

Андрей. За банкиров с ознобышами и скромных служащих с обветренными губами! (Оба смеются.)

Соня. За два прекрасных вечера...

Андрей. Да!

Соня. ...которые я рисковала провести в своей мрачной берлоге, с ужасом думая о будущем.

Андрей. С ужасом?

Соня. Со страхом. Так будет точнее. Поживем – увидим. Не все еще потеряно, правда? Еще б немного силенок... (Опорожнила стакан. Оживленно, с внезапной решимостью.) А почему бы мне не задержаться на одну ночь? Схожу на вашу оперу! Отличная идея, а?

Он смотрит на нее с лицом, лишенным всякого выражения. Пауза.

Андрей. Задержаться?

Соня. Что вы на это скажете?.. Кто меня там ждет? Старушка домработница да пьяный скотник. Они даже не заметят, что меня нет. Еще одна ночь в Москве, и к черту затраты! Правильно?

Андрей. Вы меня спрашиваете?

Соня. Я должна увидеть даму вашего сердца, светящуюся Мими! Может, узнаю вашу

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru макушку в оркестровой яме... ну да, затылок! А если мне очень повезет, я могу столкнуться перед театром с самим маэстро Пуччини! Решено! Билет в оперу и лишняя ночь в гостинице – погибать, так с музыкой! Что вы молчите? Разве я не отважная женщина?

Андрей. Да.

Соня. После спектакля вы меня не увидите. После спектакля музыкантам надо расслабиться, я знаю. Поэтому из театра я поеду домой. В гостиницу. И напишу вам, как бесподобно вы играли.

Андрей (не шелохнувшись). Да.

Соня. Вы испугались ответственности. Не бойтесь. Вам это, поверьте, ничем не грозит. (Читает его мысли. После паузы.) Знаю, о чем вы думаете. «Что за бред! Поезжай-ка ты, голубушка, домой». Не слишком деликатно с вашей стороны. Но вы, разумеется, правы. Отличная идея при ближайшем рассмотрении оказалась довольно глупой. Я здесь не задержусь. Назад – в пустой дом, к дырявым водостокам и старому инвентарю, ржавеющему во дворе. И чего ради оставаться? Ваш Пуччини – это все-таки не Бах, и дирижер – какой-нибудь шарлатан из Гамбурга, напустивший на себя вид строгого педанта. А ваша Мими при ближайшем рассмотрении, боюсь, окажется из тех девиц, молодых да ранних. (Поднимает стакан.) Мое новое – новейшее – увлечение. Которое, разумеется, ни от чего не спасает. Но свою норму я знаю. Не хотелось бы кончить, как мой скотник Петр, правильно?

Андрей. Почему бы вам не поговорить с вашим другом Михаилом Львовичем?

Соня. О чем? О надоевших деревьях, благодаря которым мы сделаемся «лучше»? Вот... (ткнула в бумаги) мне есть, чем себя занять, из-за чего не спать ночей... отрезвляющая реальность, ее суровый ультиматум. А как я могу спать, когда грозятся отнять мой дом – последнее, что у меня осталось! Я вообще могу остаться без крыши над головой. Тут, пожалуй, уснешь! Но, как ни странно, не эта решающая неделя наводит на меня ужас... страх. Я говорю об этой тундре одиночества, которой не видно конца. Обычно мне хватало стойкости тянуть ляжку. Но теперь этого мало. Теперь, если я хочу и дальше ее тянуть, мне потребуется высшая доблесть, несокрушимый дух, не правда ли? Без него, согласитесь, никуда. (Наливает.) На посошок. Достойное завершение великолепного вечера. Вот чего не доставало вашей Маше, когда этот подполковник ее оставил, – несокрушимого духа! Пережить его предательство – для этого ей хватило бы и стойкости, а вот чтобы жить дальше... Короче. (Чокается.) За успех завтрашнего события!

Андрей. Еще одна маленькая ложь.

Соня. Простите?

Андрей. Даже не ложь – фантазия. Игра воображения. Мне ужасно стыдно за мое вранье... вчера и сегодня... но, согласитесь, все это было так невинно. А эта маленькая ложь насчет «Богемы», она все-таки побольше и, возможно, не заслуживает снисхождения. Вы вправе думать, что я самым бесстыдным образом ввел вас в заблуждение и что мне нет и не может быть прощения. Если вы, действительно, так думаете, я, право же, совершенно вас пойму...

Соня. Андрей, к чему вы все это...

Андрей. ...хотя в свою защиту я должен сказать, что моя ложь насчет «Богемы» не была обдуманной, она пришла мне в голову вчера, случайно, когда мы разговаривали за тем столом. Вы сказали, что желток сваренного всмятку фазаньего яйца хорошо помогает при ознобшах, и в ту же минуту я почему-то подумал, – глупо, глупо, сам знаю, – я подумал, что «скрипач в оркестре» – это прозвучит красиво, и я произведу на вас благоприятное впечатление.

Соня. Вы хотите сказать...

Андрей. Я не в оркестре.

Соня. Вы не...

Андрей. Мы на улице.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Соня. В каком смысле?

Андрей. Играем. Мы играем на улице.

Соня. Не в оперном театре, а...

Андрей. На улице.

Соня. Не Пуччини?

Андрей. Нет.

Соня. Вы, что же, уличные музыканты?

Андрей. Ну да.

Соня. Господи... Так вы никогда не исполняли Пуччини?

Андрей. Никогда.

Соня. Ни разу не выступали в оперном театре?

Андрей. Мы? Кто ж нас туда позовет?

Соня. И где же вы сегодня играли?

Андрей. На вокзале.

Соня. А вчера вечером?

Андрей. Перед Третьяковкой.

Соня. На тротуаре?

Андрей. Да.

Соня. «Мы» – это кто?

Андрей. Я и Иван.

Соня. Тоже скрипач?

Андрей. Нет. Иван – балалаечник, и довольно скверный. А что, с нашей стороны было бы наглостью сыграть завтра вечером перед оперным театром?

Соня. Андрей!

Андрей. Почему нет? Про то, что я имею отношение к «Богеме», знаем только мы с вами.

Соня. Какое отношение, Господь с вами?

Андрей. Никакого, вы правы.

Соня. Выходит, все, что вы мне рассказывали про эту оперу, – одна сплошная ложь.

Андрей. Виноват.

Соня. И светящаяся Мими, и педант дирижер, и грамотные музыканты...

Андрей. Невинный обман.

Соня. Вы это называете невинным обманом? А по-моему, беспардонная ложь! А ваш немеющий зад и затекающие ноги... какая трогательная история!

Андрей. Это правда.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru
Соня. Да мне-то что? Врите себе, сколько душе угодно!

Андрей. Вы справедливо сердитесь.

Соня. Сержусь? С какой стати мне на вас сердиться? И этот... этот...

Андрей. Костюм?

Соня. Так одеваются уличные музыканты?

Андрей. Вообще-то мне всегда казалось, что это классика. А вы находите его неприличным?

Соня. Да! – нет! – не знаю! Откуда мне знать, как должны одеваться уличные музыканты?

Андрей. Но вам он кажется неприличным?

Соня. Андрей, мне уже ничего не кажется.

Андрей. Иван тоже носит костюм. А талию перетягивает шелковой алой лентой.

Соня. Плохой балалаечник?

Андрей. Это я погорячился. Лентяй, но свое дело знает. Его костюм поплоче будет. Зато сложен! Настоящий джигит. Вы меня понимаете?

Соня. Я уже ничего не понимаю.

Андрей. Высокий, плечи широкие, спина прямая. Видели бы вы, как он носит свои лохмотья!

Соня. Я за него рада.

Андрей. Глаз не оторвать!

Соня. И надолго вы здесь?

Андрей. Недельку, я думаю, поработаем, а там домой.

Соня. Но вы сюда еще вернетесь?

Андрей. Мы каждый месяц приезжаем.

Соня. Во всем своем классическом великолепии?

Андрей. Смеетесь.

Соня. Может, ваши ежемесячные визиты – это еще одна невинная ложь? Я уже ничему не верю. И, по большому счету, мне все равно.

Андрей. Сказать вам, зачем я приезжаю в Москву?

Соня. Даже врать, при вашем богатом опыте, вы толком не умеете.

Андрей. Бобик сидит в тюрьме.

Соня. Андрей, ну всё, хватит!

Андрей. Сегодня утром я был у него. Почти два года за решеткой по сфабрикованному обвинению. Ограбление с применением насилия. Дружок подставил. Сам, естественно, вышел сухим из воды. Ну, да ладно. Чтобы с ним повидаться, можно и на улице поиграть. Как раз хватает на поезд и угол в Москве. Это правда, Соня. Печальный факт.

Соня. Ваш сын Бобик?

Андрей. Каждый раз я выхожу оттуда совершенно раздавленный. Ему еще повезло,
Страница 40

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru устроился в тюремную больницу. Сегодня говорит: «Я уже без пяти минут врач!» Это он так шутит.

Соня. Часто вы его навещаете?

Андрей. Зависит от караульного... кого подкупишь. Чаще, чем раз в месяц, не получается. Обычно сижу у него около часа. Особенно нам и говорить-то не о чем. О матери он никогда не спрашивает. Странно, да?

Соня. Наташа знает, что он в тюрьме?

Андрей. Еще и это на нее взвалить?.. А вот про девочек – своих теток – расспрашивает подробно. Считает, что он разбил им сердце. И сестрой своей, Софочкой, интересуется. Она теперь живет в Казахстане.

Соня. Так вы с ней переписываетесь?

Андрей. На Рождество прислала короткое письмишко. Я даже не знаю, чем она там занимается. Что-то с лошадьми. Разводит их, что ли. Наверно, замужем. Девять детей, это точно.

Соня (смеется). «Точно»?

Андрей. Так она написала.

Соня. Девять!

Андрей. Тоже живчик, вся в меня. А собственно, почему вас это удивляет?

Соня. Ох, Андрей. И когда же ваш Бобик должен выйти?

Андрей. Через полтора года. Так что долго еще мне стоять на ногах.

Соня. Насчет уличных выступлений... извините, если я была бестактна. (Он пожал плечами.) А классический костюм – это вы отлично придумали. (Тот же безразличный жест.) И талию вам тоже надо перетягивать лентой.

Андрей. Какой?

Соня. Ярко алой.

Андрей. Не мой цвет.

Соня. Станет вашим. (Показала на фляжку.) По чуть-чуть?

Андрей. Одну каплю. Рано мы с вами начали.

Соня. Стало быть, никакой «Богемы»... ни для вас, ни для меня.

Андрей. Прощай, Мими.

Соня. Прощай, дирижер-зануда. Возвращайся в свой Берлин.

Андрей. В Мюнхен.

Соня. Но вы же это придумали?

Андрей. «Мюнхен» звучит лучше.

Соня. Он, по крайней мере, немец?

Андрей. Итальянец.

Соня. Мама миа. Остается главный вопрос: Пуччини жив или умер?

Андрей. Какое нам дело?

Соня. Никакого. Кстати, эта дата – 1858 год – откуда вы ее взяли?

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru

Андрей. От фонаря.

Соня. Я так и подумала. (Чокается с ним.) Спасибо за приятную компанию.

Андрей. Вам тоже.

Соня. Последняя капля.

Андрей. Наипоследняя.

Соня (складывает картограммы и документы в сумку). Между нами, Соня немножко пьяна. На ее месте я бы быстро собрала все эти бумажки, на цыпочках прокралась мимо Горгоны-Медузы и прилегла на свою одинокую девичью подушку, на которой так хорошо видеть сны про пустой дом и дырявые водостоки.

Андрей. Расскажите мне про него.

Соня (напряглась). Про кого?

Андрей. Про вашего близкого друга, энтузиаста леса.

Соня. Визионера, святого...

Андрей. ...и не всегда трезвого.

Соня. Что еще? Ему под шестьдесят. Среднего роста. Синие глаза. Цепкий взгляд. Явно не джигит.

Андрей. Ваш местный доктор.

Соня. Не только. Он постоянно в разъездах. Весь молодой лес в нашем уезде – его рук дело. Три раза он ездил на Сахалин, к ссыльнопоселенцам, во время эпидемий тифа. Он строит пасеки в глухих деревнях и обучает крестьян пчеловодству. Он верит, что более бережное отношение к природе воздаст человеку сторицей, мы станем лучше и щедрее. И ведь он прав! Всего-то и требуется от нас – немного теплоты. Мне кажется, в Бога он не верует, зато верит в совершенствование человека. Он любит говорить о «нашей святой обязанности» перед природой. В нем самом чувствуется некая святость.

Андрей. Он женат?

Соня (берет в руки карту). Это – имение, которое я когда-то купила на сэкономленные деньги. Я вам говорила?

Андрей. Вы его любите.

Соня. Мне остался только этот луг.

Андрей. Вы его любите, Соня?

Соня. Двадцать три года. Без всякой надежды. Я полюбила его с первой нашей встречи. Я была молоденькой девушкой, а он начинающим врачом. Эти живые синие глаза заморозили меня раз и навсегда. Говорит он очень быстро, и от этого фейерверка идей и планов – ничего подобного я в своей жизни не слыхала – голова у меня закружилась от восторга. (Она оживленно жестикулирует, пытаясь передать свое тогдашнее состояние.) Это было что-то... необыкновенное. Он меня тоже любил. Я это знаю. Целый год... пока эти грандиозные преобразования не захватили его всего без остатка. Но он до сих пор приезжает ко мне... когда вспоминает о моем существовании... обыкновенно подшофе. И когда он стоит, качаясь, посреди комнаты, держа мое лицо в ладонях и не говоря ни слова, просто глядя на меня своими пронзительно синими глазами, в которых с некоторых пор поселилась какая-то озабоченность, в такие минуты мне кажется, что мы никогда не расставались... и что я тоже, прости меня, Господи, почти святая... Но на этом, понятное дело, далеко не уедешь. (Продолжает складываться. Он что-то пишет на листке.) Двоюродные сестры!

Андрей. Что?

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru
Соня (показывая на две такие похожие холщовые сумки). Моя и ваша.

Андрей (протягивает листок). Мой домашний адрес. И место в Москве, где я остаиваюсь.

Соня. Благодарю.

Андрей. Когда вы опять сюда приедете?

Соня. Бог его знает. Когда будет окончательно решаться дело. (Махнула вслед убранным бумагам.) Наверно, скоро.

Андрей. В ближайшие две недели?

Соня. Очень может быть.

Андрей. Могу я вас о чем-то попросить? Когда вы будете точно знать, вы не известите меня?

Соня. Хорошо.

Андрей. Черкните два слова. Я могу приехать в любое удобное для вас время. Обычно мы заранее не бронируем место для уличных выступлений. Мне бы очень хотелось еще раз с вами увидеться.

Соня. Мне тоже. Очень.

Андрей. Вот и отлично! Закажем шикарный ужин, который нам не по карману. В «Славянском базаре»! Я там никогда не был, а вы?

Соня. В «Славянском базаре»? Вы шутите!

Андрей. Стало быть, решено.

Соня. Почему не здесь? Мне даже начинает нравиться это место.

Андрей. А как же Горгона-Медуза?

Соня. И она тоже.

Андрей. Значит, увидимся здесь.

Соня. Попросим, чтобы они завезли побольше «черненького».

Андрей. Осторожно! (Она чуть не опрокинула стакан.) Я могу попросить ваш адрес?

Соня. Отчего же. (Начинает писать.)

Андрей. Нет, если вам по какой-то причине...

Соня. Ну, что вы. Я буду рада получить от вас весточку.

Андрей. Считайте, что уже получили.

Соня. «Софья...» Мою фамилию вы знаете?

Андрей. Так точно.

Соня. Держите.

Андрей. Благодарю. Я возьму еще чаю. Вы будете?

Соня. Мне, правда, лучше лечь. Я едва держусь на ногах.

Андрей. Понимаю.

Соня. Спокойной ночи, Андрей.

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru Андрей. И вам тоже. Крепкого сна. Мы скоро увидимся, правда?

Соня. Да. Я очень на это надеюсь.

Андрей. А пока я вам напишу.

Соня. Сделайте одолжение. (Жмут друг другу руки. Он целует ее в щеку.) Спокойной ночи.

Андрей. Спокойной ночи. Завтра же напишу.

Помедлив в дверях, Соня возвращается.

Соня. Андрей, я сказала вам неправду.

Андрей. Присядьте.

Соня. Нет, я ухожу. «Неправда» – это слишком громко сказано. Невинный обман. Вернее, умолчание. Это касается моей мачехи.

Андрей. Красивой, изящной, несравненной Елены.

Соня. Да.

Андрей. Вашей ровесницы.

Соня. Да.

Андрей. Немного бессердечной.

Соня. Я так сказала? В общем, ее любили двое. Крепко любили. Про дядю Ваню я вам говорила. Это была безответная, отчаянная любовь. Я не хочу сказать, что бедный дядя от этого умер, но он так и не сумел оправиться после того, как его отвергли. А вторым был Михаил Львович. Доктор Астров. Она красавица. Он хорош собой. Идеальная пара.

Андрей. Они поженились?

Соня. Да.

Андрей. У них есть дети?

Соня. Нет. Она почти не бывает в России. Париж, Лондон, Рим. У нее тоже есть всепоглощающая страсть – модные магазины. Пока он спасает человечество, она опустошает прилавки. Изредка, надо полагать, они видятся. Впрочем, вам до этого нет дела. А рассказала я об этом с одной целью – мы с вами больше не увидимся.

Андрей. Я вас не понимаю.

Соня. И я попрошу вас не писать мне писем.

Андрей. Но почему, Соня?

Соня. Потому что время от времени я бываю ему нужна. Когда – не спрашивайте. Наверно, тогда, когда он вдруг вспоминает обо мне.

Андрей. То есть когда он пьян!

Соня. Вот-вот.

Андрей. Извините. Я не должен был этого говорить.

Соня. Да нет, все правильно. Но я люблю его, понимаете? Люблю. И он по-своему меня любит. Теперь же, когда эти пронзительно синие глаза во многом утратили свою былую веру, он вспоминает обо мне все чаще. И когда это происходит, когда он ко мне возвращается, мне начинает казаться, что я стала ему дороже. Вот так мы и ковыляем по жизни, хватаясь за некое подобие любви и подставляя друг другу воображаемое плечо. Вы скажете: да, негусто. Но, поверьте, это немало. Ваша Маша

После занавеса Чеховские мотивы. Антон Павлович Чехов, Брайан Фрил chekhovanton.ru считала иначе, но я знаю, что говорю. Несокрушимый дух – вот что необходимо. И когда он во мне укрепится, а это будет, будет! когда я сумею выпестовать в себе эту высшую доблесть, тогда моя жизнь снова обретет смысл, и я смогу жить, ни о чем не жалея, я буду ценить любую малость, каждую выпавшую мне удачу, и эта тундра одиночества, которой не видно конца, будет меня только пугать, но перестанет наводить на меня ужас. Прощайте, Андрей. (Он делает шаг к ней.) Не надо. (Выходит.)

Андрей. Соня!

Он смотрит ей вслед. словно во сне, надевает пальто и начинает собираться. На глаза ему попался листок с адресом. Он задумчиво его изучает. Вдруг резко отодвинул в сторону все лишнее, подсел к столу и принялся быстро писать. Время от времени он поднимает голову, чтобы обдумать фразу, и вот уже опять строчит с удвоенной яростью.

Медленно гаснет свет.

Занавес

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!